
Таисия ЧАЙКО

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ ПУТИ В ШВЕДСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Повесть

Советский Союз почил в бозе. Бывшие союзные республики разбрелись по отдельным квартирам, громко хлопнув дверью и образовав таким образом новые государства. В каждом из них были написаны новый гимн, новая конституция и создан новый герб. Однако существовал короткий промежуток времени, когда старые советские паспорта были действительны. По такому паспорту я, держа за руку своего малолетнего сынишку, и приехала в Германию в январе 1995 года.

Приехала вполне законно, по приглашению немецкого гражданина. То, что немецкий гражданин окажется большим прохвостом и негодяем, я узнала гораздо позже. А пока мы с сыном тряслись на втором этаже автобуса, следовавшего по маршруту Москва—Берлин. В сумке у меня лежала толстая пачка писем с многочисленными признаниями в любви и описаниями, как мы классно заживем.

Автобус въехал на территорию Германии. Шофер подошел к моему креслу:

— Номер вашего друга не отвечает. Но мы пробуем дозвониться.

Приехали в Потсдам. Началась радостная кутерьма. Люди выскакивали из дверей автобуса прямо в объятия родственников, перегружали багаж, хлопали двери автомобилей. Потом все стихло.

— Ну, девушка, что будем делать? Ваш приятель не отвечает на звонки. Есть два варианта. Первый: вы остаетесь здесь и ждете, когда он за вами приедет. И второй: вы едете с нами дальше.

Остаться одной ночью под дождем в незнакомом городе, в незнакомой стране, без языка, без денег перспектива сомнительная. меховая шапка на моем ребенке впитывала влагу, как губка, розовые бахилы на ножках хлюпали по воде. Как я радовалась, когда на какой-то барахолке месяц назад мне удалось купить эти бахилы, поскольку в магазинах не было ничего. Ничего от слова «НИЧЕГО».

— Едем дальше.

Автобус двигался по направлению к Ганноверу. Ребенок, скрючившись в своем кресле, уснул. За окном светало. Через какой-то промежуток времени мне сообщили:

— Ваш друг ответил. Здесь по дороге будет небольшое кафе, вы выйдете и будете ждать. Он едет.

Так и поступили.

Таисия Алексеевна Чайко родилась в 1954 году в городе Усть-Каменогорске Восточно-Казахстанской области. Окончила Алма-Атинский технологический техникум. В настоящее время живет в монастыре недалеко от Упсалы в Швеции.

НЕВА 7'2023

Автобус выехал из кармана и помчался дальше. Первым делом, выбравшись на волю, мы энергично задвигали руками и ногами, разгоняя застоявшуюся кровь. Потом стали изучать окружающее пространство. Зашли в кафе. После голодных перестроечных лет предлагаемый ассортимент блюд, которым потчуют дальнобойщиков, оказался волшебной сказкой.

Наконец в карман въехала легковушка. Из нее выкатился шарик. Пузо большое, морда красная, хоть прикуривай, жидкие волосенки зачесаны на одну сторону, прикрывающая лысину, и обильно залиты лаком. Усы и борода белого цвета. Дед Мороз. Н-да... На фотографии он выглядел получше. Ну да ладно! С лица воды не пить, говаривали в старину. Лишь бы человеком оказался хорошим.

Затащила его в кафе. Ткнула пальцем в витрину и сказала «эссен». Мы были голодные, как бродячие собаки. Дед Мороз ринулся к игровому автомату, сунул в щель монету, и посыпался серебристый дождь. С голодухи мы заказали много, не съев и половины.

Дед Мороз сразу стал меня лапать. Это еще что такое? — возмутилась я. Не привыкшая к такому обращению, я сначала культурно и вежливо отстраняла его руки, а потом била наотмашь, но это было позже. Оказалось, что у немецкого гражданина нет ничего, что он полный ноль и все фантазии, которые он излагал в письмах, полный бред. Он сам жил приживалкой при маленьком отеле, владельцами которого была русскоговорящая еврейская семья. У него в Петербурге были какие-то дела, но после того, как на него наехали крутые братки в девяностых, он бежал в фатерланд, можно сказать, в чем был. Это было похоже на правду, поскольку никаких документов, кроме аусвайса, у него не было. Мужиком он оказался рукастым, к его счастью. Что-то построить, отремонтировать, наладить для него не было большой проблемой, поэтому евреи его и держали.

Машина, на которой он за нами приехал, была классная, крутая, но... не его. Он ее взял у кого-то напрокат, чтобы привезти эту русскую с сынишкой, а то огребет по полной от полиции. А этого он страх как боялся. Позже я поняла почему.

Табачный магазин «Кэмел» на углу одной из центральных улиц Берлина был конечным пунктом нашего путешествия.

Берлин — город с могучей историей.

— Сынок, смотри это Рейхстаг. Здесь война закончилась.

В Трептов-парке стоял каменный Алеша с опущенным автоматом и немецкой девочкой на руках. И было огромное кладбище, где похоронены русские солдаты. Большой мемориал был и в Панкове, где я однажды ходила, выискивая на плитах знакомые фамилии. Один из родственников моего сына по отцовской линии был артиллерист, капитан, он погиб на территории России, под Орлом, другой погиб 9 мая 1945 года здесь, в Берлине.

Что меня сразу сразило наповал, так это магазины. Всего в избытке. Сахар, расфасованный в кульки по килограмму, лежал штабелями, и никто не кричал из очереди: «Продавец, давайте по килограмму в руки, а то всем не хватит!»

И еще сразил зоопарк, куда я повела сына. Зашли к бегемоту. Эта махина принимала ванну. Из воды торчали уши и глаза. А в углу, в большом лотке, красовались бананы, яблоки, груши, апельсины с мандаринами! Я в полуобморочном состоянии. У меня на родине купить яблочко была проблемой, только на рынке втриморога, об апельсинах-мандаринах и других ананасах вообще забудь. А тут ими бегемотов кормят.

Бедная моя родина. Напоминаю, стоял 1995 год.

Первым делом Дед Мороз забрал у меня загранпаспорт, проверил весь мой багаж и долго рылся в моей записной книжке. Он немного понимал по-русски и немного говорил. Вот на таком суржике мы и общались: немного немецкого, немного русского, и, в общем, понятно.

— Ты у него не первая и, надо думать, не последняя, — сказала мне работавшая на рецепшн женщина во время душевных посиделок.

— Как это? — удивилась я.

— Да мы таких выкрутасов от него насмотрелись, и представить трудно. Одна уезжает, другая приезжает, третья на подходе. Прямо половой гигант.

Насчет гиганта она переборщила, но остальное оказалось чистой правдой.

Я отыскала схрон с рекламными проспектами, на которых красовались мордашки русских, и не только, барышень, желающих покинуть развалившуюся родину, нищету и бандитский беспредел. Женщин понять можно — немецких граждан, занимающихся подобными делами, нет. Пользоваться безысходностью аморально, незаконно и просто бесчеловечно.

Но последней каплей наших с Дедом Морозом отношений стал один разговор. Весело хохоча, он мне поведал, как в Питере он зарабатывал большие деньги. Брали немецкие собачьи консервы, переклеивали этикетки и продавали под видом субпродуктов.

Он перестал хохотать, когда увидел мое лицо. Я готова была его убить. Сволочь! Гад! Чтоб ты сдох! Бизнесмен хренов. Но одно хорошее дело Дед Мороз для меня все-таки сделал. Он сдал мой паспорт в ведомство по делам иностранцев.

Дама из Русского дома, что на Фридрихштрассе, помогла мне устроиться в один из женских домов города Берлина, где я прожила в общей сложности четыре года. Сотрудницы женского дома, девки боевые, умницы-красавицы, помогли мне получить какой-никакой статус «дульдунг». Это значит, что на немецкой земле меня не приветствовали, но терпели. И на том спасибо! Вернуться назад? В этот беспросветный ад? Об этом не было и речи. Никто нас не ждал, и никому мы не нужны. Нам с сыном выделили крохотную комнату с двухэтажной кроватью, двумя железными шкафами, маленьким холодильником «Бош», столом и двумя стульями. Со временем мы обросли жирком в виде цветка на окне, зеркала, небольшого ковра на полу и телевизора, который купили на барахолке за тридцать марок.

У меня была еще одна попытка связать себя узами Гименея с кандидатом номер два, но теперь уже не с морозным блондином, а с жгучим брюнетом.

— Шайзе оси, — шипел он, когда мы оказывались в восточной части Берлина, и, как я заметила, шипел в основном на молодых девушек. Этот был западный немец, западнее некуда. Родился в Хайдельберге и всю жизнь прожил в Гамбурге. Двое взрослых детей. Сын, по его словам, жил в Штатах, а дочь работала стюардессой в Люфтханза. Как оказался в Берлине на социале? Непонятно. Меня это в тот момент мало волновало. От кандидата номер два так воняло, что невозможно было рядом сидеть из-за полного рта гнилых зубов, а он еще тянулся ко мне со своими дурацкими поцелуйчиками. Я ему так и сказала. Он еще и глуховат был, поэтому говорил громко.

— Но ты ведь нелегал, сокровище мое, — говорил он на весь автобус. Пассажиры поворачивали головы в мою сторону. Я делала невинный вид, разглядывая пейзажи за окном, всем своим видом показывая, что это ко мне не относится: я вполне благополучная дама и все у меня в порядке. Товарищ ошибся. Мама дорогая!

Выйдя из автобуса, я ему надавала устных люлей. Придурок. Для него все, у кого нет немецкого паспорта, нелегалы. И таких эксцессов было множество. Иногда приходилось ногой пинать его, чтобы закрыл рот в социалке или в ведомстве для иностранцев.

Развязка наступила, как водится, неожиданно. В тот год зима в Берлине стояла теплая. Мой кандидат номер два копошился во дворе в майке и лиловых шортах. Я смотрела в окно: вижу, как в ворота заходят три полиция. К кому? Зачем? Он услужливо подходит к ним и, вероятно, задает те же вопросы. Затем они гурьбой вваливаются в жилище, кандидат одевается, что-то мне невнятно бормочет, и все уходит. Вот те на! На другой день я потопала в полицию с твердым намерением бороться с произволом.

Но то, что я услышала, повергло меня в коматозное состояние. В Гамбурге он устраивался к одиноким немощным старушкам как помощник по хозяйству. И когда бабушки ему полностью доверялись, он снимал с их счетов деньги себе в карман. Суммы были немалые. Потерпевших было несколько. Когда запахло жареным, он срочно сменил место дислокации, переехав в Берлин. Город большой, затеряться есть где. Но его нашли и посадили. Всё.

Мои попытки выйти замуж и тем самым упрочить свое положение окончились ничем. Надо было принимать какие-то меры. Ведь не могла же я всю жизнь прожить в женском доме. Вот тогда всплыла Норвегия. Маленькая страна, с мизерным населением, еще не наевшаяся иностранцами, принимает всех. Предпочтение отдается женщинам с детьми. Мысль хорошая, но как туда попасть? Шенгенской зоны еще не было. Самое главное препятствие — это граница между Германией и Швецией, вот там, говорят, жесткий контроль, а по Скандинавии никакого контроля нет.

В феврале 2000 года мы вышли из вагона поезда на конечной станции — Осло. Здравствуй, северное королевство! Пришли в полицию, нас отправили в лагерь под Осло — Танум. Лагерь представлял из себя скопище невысоких деревянных домов, невероятно теплых внутри. Огляделась на присутствующий контингент. Всякой твари по паре, очень много белорусов с вкраплениями личностей с Кавказа. По-русски есть с кем поговорить.

Недели через две большую группу русскоговорящих перебрасывают в лагерь Онсруд. Везут автобусами.

— Колыма, — показывает на картинки за окном Вовка.

И действительно, пейзаж удручающий. Голые серые сопки, припорошенные снегом, и такое же унылое море. Ой-вей! Куда мы попали!

Вовка с Кавказа, но светлый, наверное, осетин. Я сижу рядом с ним.

— Найму хорошего адвоката и загрузу миграшку по полной. Получу избушку, этажа в два, мне хватит. А потом куплю «сааб», — делится он планами на будущее. Дай бог.

О семейном положении можно и не спрашивать. Не женат и никогда не был. Они стараются приклеиться к какой-нибудь бабенке и использовать ее в качестве ППЖ. Ко мне тоже подкатывали, но я не помойное ведро. Вот такие гонцы работают по следующей схеме: едет один, и если ему удастся зацепиться в какой-нибудь европейской стране, то через энное количество времени приезжает жена с выводком детишек, и подают на воссоединение.

После Онсруда нас с сынишкой распределили в центр саамской страны Карашок. Карашок встретил нас густым снегопадом, высоченными елками и тремя веселыми, игривыми щенками. Они было побежали за нами в здание, в котором нам предстояло жить, но суровая норвежка похватила их за шкурки и выкинула вон в пушистый белый снег. Саамы живут на севере четырех стран: России, Финляндии, Швеции и Норвегии. Народ интересный, самобытный, со своей культурой. Основное занятие — оленеводство. В Карашке существовала школа, в которой обучали саамскому языку и ремеслам молодежь из перечисленных стран. Всех страждущих убежища заставляли учить норвежский язык. Спрашивается, за каким лядом, если в стране оставляют единицы. Ответ прост. Чтобы не сходили с ума от безделья. С учительницей норвежского языка Гри у меня сложились вполне дружеские отношения, она водила нас к себе домой чайку попить, возила меня в Финляндию, до которой было пять километров пути, в магазин за продуктами, за что и получила громадный втык. В Финляндию моталось все местное население за мясом, колбасами и сырами: там продукты были гораздо дешевле.

— Моя мать — первая коммунистка Норвегии, — говорила Гри.

Очень старая и очень дряхлая старушонка рассказывала нам о войне, о том, как бомбили Осло.

— У-у-у, — сложив губы трубочкой, имитировала она вой сирен. Я ни черта не понимала, но было понятно, что было очень страшно. А в пятьдесят восьмом году, в составе норвежской делегации, она ездила в Москву на международный фестиваль. Незабываемое впечатление осталось на всю жизнь. Она была в Большом театре, где давали «Лебединое озеро».

— Галина Уланова, ах, Галина Уланова... — она мечтательно закатывала глаза.

Старая коммунистка курила как паровоз. Накурила себе жесточайшую астму. Растворив окно, она обращалась к каждому проходящему мимо. Сигареты просит, догадалась я.

Иногда я шла с ней погулять. Хорошая идея! Подхватив меня под руку, она задавала вектор движения и вела строго к ресторану. Там усаживалась за стол, заказывала пачку сигарет, и на этом наше гулянье заканчивалось.

Таскала ли я ей сигареты? Да! Потому что смотреть, как человек со слезами на глазах просит, выше моих сил.

Норвежское правительство держало своих саамов в узде. Никакого спиртного, даже легкого пива, в магазинах не найти. Но запретный плод всегда сладок. Самогоноварение процветало. Рядовая картина: пьяный норвег вваливается в здание школы и с порога кричит:

— А где здесь русские проститутки?

Машу рукой в сторону противоположного дома. Двигай, мол, туда. Там у нас живут две развеселые украинские дамы, которые ведут себя безобразно. Репутация русских и русскоговорящих женщин подорвана окончательно и бесповоротно. Если русская, то обязательно проститутка. Обидно, честное слово.

Весной на какой-то праздник в Карашок приезжал норвежский принц. Парень как парень, внешность на любителя, очень скромно одет. Зато его свита и охрана разодета в пух и прах. Черная форма и много золота. Красиво. Принц посетил церковь, строящийся саамский парламент, пообщался с народом и был таков. Не забывают малые народности, одаривают вниманием.

Кончилась весна, наступило лето. И кто бы мог подумать, что за полярным кругом, где в четыре часа утра играют дети, могут быть такие жаркие дни. Народ высыпал на улицу загорать, нежиться на солнышке и бесплатно получать витамин Д.

Нашу небольшую группу опять везут. На этот раз самолетом в Тромсё. Маленький Париж. Именно в Тромсё я и увидела всю красоту Норвегии. Это сказка. Это рай.

Нас поселили в небольшом мотеле, стоящем у дороги на выезде из города. Место уникальное. Если смотреть прямо, то видишь горы со снежными вершинами, направо — бескрайнее море, прозрачное и студёное, налево — заросшие лесами сопки. А как красивы водопады с голубым льдом! С одной женщиной мы повадились ходить за грибами, натаскали их столько, что некуда было девать, сами наелись и других накормили до отвала. Однажды идем по знакомой дороге в лес. На обочине лежит огромный сенбернар. Слышны человеческие голоса, но самих хозяев не видно. Собака не сделала ни единого движения и не рыкнула, а только проводила нас глазами. Идите, мол, разрешаю. Один только раз видела чудо чудесное: солнечный день, голубое небо, и на небе висит тучка, из которой хлещет ливень.

В Тромсё, на площади, стоит интересный памятник полярнику, в унтах и парке, — это Амундсен. Именно из этого города его экспедиция отправилась покорять Арктику.

В городе мы часто посещали Русский дом. Туда же приходили местные жители и моряки со стоящих в порту русских судов. Все переживали за «Курск», погибающий

где-то недалеко от Тромсё. Местные жители представляли из себя русских дам, вышедших замуж за норвегов. Их несказанно тянуло к своим пообщаться, поговорить на родном языке.

— Здесь хорошо летом, в полярный день. А в полярную ночь тоска. Все ходят с фонариками на лбу, освещать себе дорогу.

В порт заходили огромные лайнеры. Везли туристов со всего мира на Норд-Кап — любоваться на незаходящее солнце. В порту на базаре продавали креветок в кулёчках, как у нас семечки.

Белорусские ребята принесли с русского парохода кассету с видеофильмом. Вечером объявили общий сбор. Явились все. После просмотра я пребывала в состоянии ошалелости. Какие, должно быть, происходят изменения в стране, если стали выпускать такие фильмы? Это был «Брат».

Наша диаспора потихоньку таяла. Отказы в предоставлении убежища и защиты шли косяком. Наступила и моя очередь. Отказ. Я со своим сынишкой норвежскому королевству на фиг не нужна. Что делать? Бежать. Куда? В соседнюю Швецию.

Знающие люди посоветовали автобусом добраться до Нарвика, а оттуда поездом в Швецию. Так я и сделала. Автобус шел по гористой местности над морем. Красоты неописуемые. То поднимались выше облаков, то опускались в низину. Но мне было не до красот. Тяжелые, липкие мысли ворочались в мозгу.

Прибыли на станцию как раз перед отправлением поезда. Поехали. В скандинавских поездах курить нельзя. А так хочется. Курю в туалете. В Германии на железной дороге есть вагоны для курящих и для некурящих. Очень удобно. А здесь полный запрет. На границе поезд постоял с минуту и тронулся дальше. Подошла девушка-кондуктор. Обилечивать. В Элливаре мы вышли из поезда и, спрашивая дорогу, направились в полицию. Стучали в дверь и руками и ногами, давили во все кнопки на панели. Тихо. Наконец зажегся свет, и появилась помятая физиономия служителя закона. Ну да! Городок тихий, событий никаких. Что делать во время ночного дежурства? Спать. А тут такой стресс! Кто-то пришел и тарабанит в дверь.

С нами разбирались часов пять. Куда-то звонили, потом опять звонили. Наконец застучал факс, вероятно, с указаниями, что с нами делать. На следующий день, после полудня, поездом нас отправили в Стокгольм. В Арланде (международный аэропорт, через который идут поезда) нас встретил дядька. Определили в лагерь. Дня через два мне велено было появиться в конторе для дачи интервью. Попросту говоря, на допрос. Какую ахинею я там несла, не помню, но хорошо помню, как я отчаянно плакала. Плакала не от своего рассказа, а от отчаяния и жалости к себе и своему сыну. Это было в последний раз, больше в жизни я не плакала никогда. Что бы ни происходило, какие бы события ни накрывали, слезы не лились, а только сжималось сердце.

Вызывают в контору. Передо мной сидит человек арабской наружности и на чистом русском языке начинает беседу:

— Норвегия запрашивает вас обратно.

На все мои увещевания, на просьбы не высылать нас он клал с прибором.

— У вас три варианта. Первый: вы выезжаете в Норвегию добровольно. Второй: в сопровождении конвоя. И третий: вы исчезаете.

Вечером держали совет с сыном.

— Что будем делать, сынок?

— Мам, ты возвращайся в Германию, а я останусь здесь.

Идея не новая. Так поступали многие. И армяне, и югославы, и чернокожие. Отношение к детям в Скандинавии хорошее, можно сказать, трепетное. Но сама мысль о расставании казалась абсурдной и нереальной. Ночь была бессонной. Боже, помоги.

В месте нашего обитания особняком стоял отдельный дом, в котором жили дети, от пятилетних малышек до мутных личностей, выдававших себя за детей. Посмотришь на такого дитя и думаешь: борода синяя от густой растительности, интересно, сколько у этого ребенка своих ребенок? Но догляд был хороший. В доме постоянно работал персонал.

На раскачку времени не было. Нужно было действовать быстро, могли заточить в изолятор, а оттуда уже не вырваться. Небольшой чемоданчик мне помогли доставить на станцию, а я гуляющей походкой вместе с сыном шла следом.

Доехав электричкой до Т-централ (главный вокзал Стокгольма), купила билет до Копенгагена. До Берлина брать билет бессмысленно: граница, ссадят и вернут обратно, поскольку документов у меня не было никаких. Моя задача состояла в том, чтобы как можно ближе подобраться к немецкой границе, а там как карта ляжет. Время было, мы пошли погулять. Я не могла наглядеться на своего сынишку, белокурого красавца.

В девятом часу вечера я стояла чуть живая на перроне, провожая его обратно в лагерь. Когда мы увидимся? Что будет дальше? Об этом не хотелось думать.

Мой поезд отходил в двенадцать часов ночи. Три часа я слонялась по залу ожидания, тщательно обходя охрану.

В поезде напротив меня сидели мама с сыном. Мальчик немного покрутился и уснул. Я смотрела на них и думала, почему им можно жить в стране, а мне с моим сыном нет. Почему мне приходится метаться по Европе, чтобы где-то зацепиться, получить документы, выучить язык, устроиться на работу и жить нормальной жизнью. Я не бандит, не террорист, не исламский радикал, но мне нет места. Почему я должна расстаться со своим сыном, чтобы обеспечить ему будущее? На душе саднило и скребло.

По знаменитому мосту между Швецией и Данией туда-сюда бегают трамвайчик из двух вагонов. Еще издали вижу: у людей, желающих войти в вагон, спрашивают документы. И тут, на мое счастье, вваливается орущая толпа цыган с узлами и котомками, с разновозрастными детишками. Вся охрана двинулась к ним, взяла в кольцо и стала разбираться. Улучив момент, я скользнула в вагон и, бросив чемодан в тамбуре, двинула в конец, в туалет, надеясь отсидеться там до отправления. Но два раза повезти по-крупному не может. Туалет оказался заперт. Повернулась и обомлела. Прямо на меня по проходу шла охранница. Чтобы не выдать своего волнения и страха, который она могла прочитать в моих глазах, я скосила глаза в сторону, лишь бы не встретиться с ней взглядом. Уф-ф. Видно, Бог сегодня на моей стороне. Охранница вышла и пошла в сторону цыган помогать товарищам.

Трамвайчик тронулся — летим над морем. Справа вода, слева вода. Фантастика.

В Копенгагене, спрашивая у людей дорогу, я кое-как добралась до железнодорожного вокзала. Первым делом пошла в газетный киоск, взяла карту Дании и стала изучать населенные пункты и городки, расположенные как можно ближе к немецкой границе. Есть такой. Падборг называется, а рядом, на немецкой стороне, Фленсбург. Значит, покупаем билет до Падборга.

Начало октября. Тепло. Если в Норвегии осень уже сердитая, то здесь, гораздо южнее, она еще ласковая, как молодой теленок. В Падборге я вышла на перрон. Переждав, пока выйдут пассажиры, в вагон зашли пограничники для проверки документов. Куда идти? Вспомнила фразу Венечки Ерофеева из «Москва—Петушки»: «Хочешь, Венечка, направо, пойдем направо. Хочешь налево, пойдем налево».

Добрела до уличной кафешки. Да! Вот что мне сейчас нужно, прямо жизненно необходимо, так это кофе с сигареткой. Я едва шевелилась, давали о себе знать две бессонные ночи. Внутри кафешки хозяйничала датская девчонка. Я взяла стакан, потом еще, потом еще, нашвыряла горку окурков, решения не было. Заметила, как к кафешке

подъезжают машины с немецкими номерами. Кто отказывался сразу, кто махал руками, когда я озвучивала просьбу перевезти меня через границу.

Наконец один немчик говорит:

— По этой дороге иди прямо, там есть пешеходный переход, по которому ходят местные туда-сюда. Иди. Не бойся.

Я и пошла. Никакого пешеходного перехода я не нашла. Иду по кромке автобана. Машин не очень много — выходной день. Показался пропускной пункт. Эх, была не была! Боюсь, трепещу, но двигаюсь вперед, как кролик в пасть удава. Чемоданчик мой грохочет колесами по асфальту. У меня была мысль бросить его в туалете у кафешки — лишний балласт, но в самый неподходящий момент зашла тетенька на opravку.

Иду.

— Привет, — сказала я двум пограничникам, проходя мимо будки.

— Стой, — сказали мне вместо приветствия.

Вышел один. Начал спрашивать, кто такая, куда иду и почему. Начала бормотать, что я фольксдойче, живу в Берлине, была в гостях и у меня вытащили портмоне с документами. Иду во Фленсбург, а оттуда поездом до Берлина.

Парень зашел в будку. Совещались с напарником и куда-то звонили.

Ну все, думаю. Сейчас вызовут транспорт и меня под белые рученьки повезут. Куда? Куда-нибудь.

— Деньги есть? — он опять появился из будки.

Немецкие марки, доллары, датская мелочовка. Есть.

Еще немного посоветовавшись, он, наполовину вывалившись из окна будки, крикнул:

— Иди!

На ватных ногах, ничему не веря, я двинулась дальше по обочине. Предстояло еще одно испытание — немецкий Цолль. Буду рассказывать эту же легенду, решила я.

Из-за разлохмаченных нервов я не свернула на нужном повороте. Прозевала. Мне пришлось отмахать лишних километров пять, пока не увидела немецкую погранзаставу. Но что это? Света нет. Тишина. Никакого движения. Никто никого не останавливает. Я миновала заставу и вышла в город. Витрины сияют. Вот обувной магазин, где торгуют обувью по смешным для Скандинавии ценам. Вот аптека. Все закрыто. Открыты только питейные заведения. У меня пересохли губы. Двери бара гостеприимно распахнуты. Я зашла. Кроме фанты, колы, пива, ничего не было. Выбор пал на пиво, ибо фантой-колой жажду не утолишь. Парнишка за стойкой работал по всем правилам, он терпеливо ждал, когда осядет пена, потом доливал до стандартного объема. Да садись ты, мать твою, мысленно приказывала я, но пена, гадкая субстанция, садилась медленно, как бы неохотно.

Устроившись за столиком, я вытянула натруженные ноги и влила в себя полкружки пива. В пустом животе потеплело, голова медленно тронулась и поплыла. Радовалось то, что я в Германии и все препятствия позади. Господи, хорошо-то как.

Отдохнув и выпросив у бармена, как добраться до вокзала, я медленно поплелась на автобусную остановку. Уже темно. В здании вокзала, изучив расписание движения поездов, я села на скамейку. Денег на билет до Берлина катастрофически не хватало. А в это время мимо меня проходили трое полицейских, и пока я склеивала в мозгу фразу, они стремительно удалились. Polizei значилось на указателе, показывающем путь наверх. Поднявшись на верхнюю платформу недалеко от железнодорожных путей, я увидела аналогичную надпись с неоновой подсветкой.

Долго стояла перед дверью, не решаясь нажать кнопку. Наконец, призвав всех святых, утопила до упора красную кнопку.

Дверь разъехалась в обе стороны.

— Здравсьте, — сказала, — у меня нет паспорта.

И дядька с добрым лицом пригласил.

— Заходите.

Дверь за мной бесшумно закрылась.

«Полицаи — мои лучшие друзья», — говаривала в свое время одна моя знакомая.

Из полицейского участка меня отвезли в какой-то странноприимный дом. Усталая и измученная, почти не раздеваясь, я мешком свалилась на кровать. Через миг меня уже будили. Умываясь, я слышала, как с грохотом проносятся в разные стороны поезда, но во время сна я ничего не слышала. По бумажке из полиции мне выдали билет, и я покатила в Берлин.

Адрес я помнила наизусть. Это был адрес моей подруги, с которой я подружилась в женском доме. Ехать на Шпандау. Вдавливаю кнопку домофона.

— Открывай. Свои.

Переступаю порог квартиры с воплем:

— Инка-а-а-а!

Через энное количество времени я ушла в общежитие. Получила ключ, зашла в комнату. Кровать, выдавшее виды постельное белье, голый стол, на котором сиротливо присутствуют тарелка, стакан и ложка с вилкой. Сколько раз мне приходилось начинать жизнь с ложки и вилки! На потолке лампочка в сорок ватт. Первым делом на новом месте я меняла лампочку. Депрессивную сороковатку, от которой хотелось повеситься, меняла на жизнеутверждающую стоватку. Постепенно обрастала бараклом. Кто-то уезжает — несет телевизор, кто-то тащит ковер, посуду и другие необходимые в быту вещи. Связь с сыном поддерживала через Интернет. Два-три раза в неделю я ездила в интернет-кафе. Солнце светило ярче, небо голубело сильнее, люди были все милые, когда получала письмо. И наоборот: люди гадкие, сволочные, погода мерзопакостная, накрывала депрессия, хотелось выпить, когда письма не было. Как он там? Судя по письмам, все хорошо, а как оно на самом деле?

В Европе шенген вступил в свои права. На Александрплац поставили контейнер, куда люди могли бросать марки и мелкую монету, избавляясь таким образом от старых денег. Обмен шел безболезненно и без потрясений. Сняли границы. Теперь ехать можно было в любую сторону. А раз так, то, используя этот благоприятный поворот, летом я собралась к сыну. Купив билет на автобус, я помчалась в интернет-кафе и написала, когда и во сколько я буду на Т-централ в Стокгольме.

Ехать долго. Путешествие было бы спокойным, если бы не группа африканцев, расположившихся в хвосте автобуса. Веселые были ребята. Что-то рассказывали, хототали и курили прямо в салоне. На границе с Данией автобус остановился, зашли пограничники с собакой и сразу направились к ним. Видно, водитель сообщил куда следует. Нет. Все спокойно. Проверили документы, собачка понюхала, и проверяльщики вышли из салона. Афроевропейцы поехали дальше, но вели себя потише и прекратили курить.

На вокзале стою на том же месте, откуда год назад уезжала в неизвестность. Среди массы людей показалась знакомая рубашка. Господи! Сынок! Я распахнула объятия. Сердце мое и плакало, и смеялось. Смеялось от радости встречи, а плакало от тонкой цыплячьей шейки. Подросток. Голос играет. Я не могла им наддышаться и не могла на него насмотреться.

Он отвел меня к женщине, которая за ним присматривала. Типичная шведка. Волос светлый, нос треугольничком. Ее звали Мари. У нее были три дочки и муж-болгарин, который вовремя сделал себе инвалидность, положил на Швецию болт с винтом, жил в Испании и носа оттуда не показывал. Сдалась ему эта Швеция, когда в Испании он влился в родную и, надо думать, веселую болгарскую диаспору и в ус не дул.

Дочки у Мари были разновозрастные. Старшая окончила гимназию, средняя и младшая еще учились.

Сели обедать. За столом младшая стала что-то говорить матери. Говорила зло, сверкая глазами.

— Обзывает мамку, говорит, что она крыса и обезьяна, — перевел сын.

Что-о-о! Возмущению моему не было предела. Да у нас бы эта доченька вмиг получила бы люлей, чтобы в следующий раз у нее и в мыслях не было обозвать мать. Какова реакция Мари? Сидит и улыбается. О времена! О нравы!

К вечеру Мари стала ходить какой-то странной походочкой. Схватив корзину с грязным бельем, в которой вперемешку с простынями торчали горлышки и донышки пустых бутылок, она отправилась во двор, в прачку. Стирать. Настиравшись вдоволь, она ходила по квартире, цепляясь за стены. Что это с ней?

— Да она всегда такая, — сказал сын.

А через день мне пришлось улепетывать назад после разговора с адвокатом.

— Вы очень рано появились. Дайте ему зацепиться. Ничем хорошим для мальчика ваше появление не обернется.

Перепуганная насмерть тем, что могу навредить сыну, я поспешила ретироваться.

Через несколько месяцев после моей поездки пришло письмо по электронной почте: «Мама, я получил позитив!»

Это значит, что сын получил постоянный вид на жительство в Швеции. Ура!

Пока я жила свою жизнь, произошли большие изменения. В моей стране закончился обмен паспортов, советские паспорта давно потеряли силу и стали памятью о величии и могуществе Советского Союза. Из советской республики моя родина превратилась в самостоятельное государство. Но я этого ничего не знала. Возможно, в газетах были сообщения о свершившемся факте, но я немецких газет не читала по причине незнания хох-дойч. Я владела языком на простейшем, бытовом уровне.

В посольстве мне выдали решение, что я не являюсь гражданкой вновь созданного государства. С этим документом я и поехала в Швецию с целью воссоединения с сынишкой. За время вынужденной разлуки он подрос, обещая быть мощным мужиком, — это плюс. Минус — научился драться, курить, пить, материться, познал женщину. Это все я узнавала не сразу, а постепенно. И что с этим букетом делать?

Нас отправили в небольшой городок Шорнозанд, что севернее по побережью Ботнического залива. Городок чистый, уютный, но, как писала одна российская писательница, красиво, уютно, а дышать нечем. Болото. Выйдешь порой в центр, и если встретишь пару-тройку человек на своем пути, считай, мимо тебя прошла толпа. Были и русскоговорящие, но все сидели по своим норам и друг с другом не общались.

Где-то на задворках города нам выделили квартиру с огромным балконом. Никакого транспорта у нас не было, ходили пешком километра три в один конец. В центр идешь весело и с песнями с горочки, а обратно в горочку, едва перебирая ногами, но тоже с песней «Замучен тяжелой неволей»... А если с магазинными покупками, то с золотым фондом русского языка.

Да еще этот ветряк, стоящий на сопке аккурат супротив наших окон. Лопасты медленно вращаются и утром, и вечером, и месяц за месяцем, и год за годом. Можно сойти с ума.

Город активно заселялся иностранцами. Это была стартовая площадка в большую жизнь. Молодые подтягивали язык и правдами-неправдами срывались вниз, на юг, в большие города. Там бурлила жизнь, было легче найти работу. Шведская администрация активно этому препятствовала, но строгие законы и запреты благополучно обходились, и город постепенно пустел.

По рассказам старожилов, Шорнозанд когда-то процветал. Здесь была судостроительная верфь, строили корабли, работала табачная фабрика, и население никуда не драпало. Люди жили и были довольны. Но почему-то градообразующие предприятия закрылись, остался один университет, где чему-то учили.

Сынишка мой дрался хорошо, учился так себе, ни шатко ни валко. Осознание того, что с полученными оценками он далеко не уедет и не поступит в приличное учебное заведение, пришло позже.

Как только моему сыну исполнилось восемнадцать лет, меня вызвали в ведомство по делам иностранцев.

— Что вы будете делать, если окажетесь в своей стране?

— Но это невозможно. Моей страны больше не существует. Копия решения об отсутствии у меня гражданства находится у вас в моем деле. Я ее сдала сразу по прибытии в страну.

Я не понимала, что происходит. Откуда такие вопросы? Оказывается, меня опрашивали по стандартному вопроснику, предназначенному для соискателей политического убежища. Да не надо мне вашего убежища, мне нужно воссоединение с сыном. Позже я узнала, что по такому опроснику они прогоняют всех прибывших в страну. Зачем? Они на этом зарабатывают, сказал мне один умный человек.

Вскоре после этой встречи мне повалили отказы: отказ в воссоединении, отказ на получение разрешения на работу, отказ в проживании в Швеции, отказ в изучении языка. Воссоединение с ребенком возможно, пока ему не исполнится восемнадцать лет. Получается, что они ждали год, пока сыну не исполнится восемнадцать! Вердикт: выслать из страны. И пошла тягомотина. Адвокат пишет протест — получает отказ. Пишет в инстанцию выше — отказ. И все это тянется месяцами и годами, шведская бюрократическая машина крайне неповоротлива.

В Шорнозанде единственной русской женщиной, с которой я подружилась, была Светлана. Веселая и озорная, она таскала меня по лесам за грибами, зимой пару раз ходили с ней на лыжах. Если она идет пятикилометровую дистанцию, то я — трешечку, да и то с грехом пополам. Вставали на лыжи прямо у порога ее дома, преодолевали единственное препятствие — асфальтированную дорогу, а дальше начинался лес с проложенной лыжней. Я для нее была марьявной: неуклюжая, толстая и требующая постоянного присмотра, кабы чего себе не сломала при падении. Такая забота о моих рученьках-ноженьках умиляла. Однажды мы пошли с ней на концерт органной музыки в церковь. Приехал немецкий органист и давал бесплатный концерт. Музыка лилась сверху, очень громкая и очень красивая. Вдруг слышу, кто-то храпит. На лавке, кроме нас с ней, никого нет. Она спала! Это было удивительно. Не далее как вчера она рассказывала, что на Канарах, куда ездила со своим другом, по ночам она не могла спать. Цикады не давали. Ее друга звали Улле. Уллечка. Во время становления их отношений он пригласил ее из Риги, где она жила, к себе в Швецию, в гости. Гостью надо развлекать, и повез Уллечка нашу Светлану покататься на лодочке. В то время шведского языка она не знала.

— Ёбба падла, — кричит он ей, — ёбба падла!

Ничего себе, думает Светка, не успела приехать, уже и ёбба, и падла.

Когда она сунула нос в словарь, оказалось, что он ей кричал абсолютно невинные слова: «Работай, гребни».

В Шорнозанде мой сын чувствовал себя неуютно. Его не устраивало медленное течение жизни, хотелось событий, хотелось драйва, хотелось, чтобы жизнь была ключом. Он уехал в столицу и поступил в Комвукс. Комвукс — это учебное заведение, где можно улучшить свои школьные оценки. В этот раз он отнесся к учебе серьезно и от-

ветственно, что в дальнейшем позволило ему окончить Королевскую высшую техническую школу.

Я осталась одна. Из ведомства мое дело передали в полицию. Теперь выдворением меня из страны должна заниматься полиция. Жду вызова в полицию. Месяц. Два. Полгода. И в один прекрасный момент у меня просто лопаются терпение.

Все началось в католическое Рождество. Обнаружив, что, кроме заплесневевшего куска сыра, в доме нет ничего съестного, я, накинув легкую курточку, направилась в ближайший магазин. Отсутствие на улице людей меня не насторожило. Пока. Пустыньность — обычное дело. Тревога закралась только неподалеку от магазина. Что такое? Никто не выходит, и никто не заходит. И только уткнувшись носом в объявление, что на Рождество магазин работает до четырнадцати часов, я поняла, как я пролетела. Что же делать?

Надо идти на заправку. Там в магазинчике можно купить что-то съестное. Огромный щит у въезда обещает, что заправка работает круглосуточно семь дней в неделю для вашего и нашего удовольствия. Идти неблизко, но надо. Ну потопали. Топ-топ. Топ-топ. Наврали гады. И щит позорно притушил огни. Должно быть, стыдно стало.

На обратном пути я пережила леденящий душу дикий ужас: на всем пути мне не встретилось ни одной живой души, не проехало ни одной машины. Только мертвые здания с черными глазницами окон, недружественные фонари с двух сторон, как конвой в оцеплении, ночь, ветер, закручивающаяся спиралью поэмка на асфальте и я. Одна. Во всем мире.

Недели две ушло на анализ ситуации. То, что немцы работают быстрее и качественнее, — это однозначно. И в моей ситуации они давно бы разобрались, а не мучили годами человека. Но как ехать? Опять без документов? Шенген еще никто не отменял. Вывод: едем! И дождавшись конца месяца, когда выплачивают крошечное пособие, я уехала в Стокгольм к сыну.

От Шорнозанда у меня остались два светлых воспоминания. Первое — это старушка, с которой я дружила. Дружба была странная. Мы встречались в одно и то же время на одной и той же дорожке. Высокая, сухопарая фигурка вела на поводке большую черную и такую же древнюю собаку, похожую на мастифа. Шли медленно, едва ковыляя. Зима. Снега навалило. По шведской привычке на старушке ни шапок-шляпок, ни платка не было. Седая шевелюра. Она остановилась и о чем-то заговорила. Собака легла на снег, высунув язык и тяжело дыша. Кое-как я склеила фразу и спросила: как зовут собаку?

— Симон, — ответила старушка.

А дальше она что-то рассказывала. Я не понимала ни-че-го. Одно мне было понятно: она живет одна, и поговорить не с кем. А тут нашелся благодарный слушатель, и не страшно, что он балда балдой. Я улыбалась, впадал и невпадал говоря «да».

Так продолжалось какое-то время, пока старушка не появилась одна. Симона не было. А потом не пришла и старушка. В память о наших встречах, идя по той же дорожке, я на минутку останавливалась. Светлые были люди, и старушка, и собака Симон.

Второе — море. Сказочное. Когда выдавалось жаркое лето, я ехала на море. От автобусной остановки надо было пройти лесом, потом начинался песок, уходящий в море. А вода... чудная, прозрачная, холодная. И никаких тебе медуз и водорослей. В солнечный день народу набивалось столько, что место для подстилки находилось с трудом. Заходя в воду, испытываешь холод, но потом такой восторг, такое счастье! И чего они все помешаны на Испании, думала я, ехать черт-те куда, денег кучу тратить? Вот тебе Испания. Даже лучше.

Вокзал Т-централ представляет собой огромный слоеный пирог с дыркой посередине. Чудо строительного искусства, так сказать. В любом киносюжете о шведской столице хоть мельком, да промелькнет эта дыра. Это верхний этаж. Нижний — дно, прибежище для наркоманов, бомжей и других асоциальных элементов. Кого шатает, кто уже готовенький валяется у стеночки, кто хлебает пойло из бутылки, прикрытой для конспирации бумажным или пластиковым пакетом.

Автобус Стокгольм—Копенгаген подошел за пять минут до отправления. Пассажиров было немного. Кроме небольшой, но вместительной сумки, багажа у меня не было. Я стояла до последнего на платформе: «Насажусь еще», пока водитель широким жестом не пригласил отъезжающих в салон. В автобусе тепло и уютно. Поехали!

Очень скоро за окном стало темно. Мимо (так и хочется написать — пронеслись, да рука не поднимается. Вернее будет — проплывали, медленно, томно, так как скорость по территории Швеции ограничена, и особо не разбежишься) проплывали деревеньки, поселки и подсвеченные разноцветными огнями мосты. Я ехала этим маршрутом не в первый раз, а наверное, в десятый, и знала, что в Ёнчепинге будет остановка на полчаса, можно будет покурить, хлебнуть кофейку и размять спрессованные кости. Затем два коротких парома — и Дания.

В Копенгагене пересадка на бус Копенгаген—Берлин, и в семь часов утра я буду в столице Федеративной Республики Германия. Все так и было. За исключением...

Автобус благополучно миновал территорию двух стран, въехал на землю Германии и встал. Что такое? Пасконтроль — объявил водитель. А как же Шенген? А как же Европа без границ? Размышлять что да как не было времени, и я пошла старым, проверенным путем: откинула голову назад и чуть набок, закрыла глаза и приоткрыла рот. Все! Сплю. Не кантовать! Гуляйте мимо. Из-под ресниц я видела, как зажгли в салоне полный свет и зашли полицаи — двое: парень и девушка. Мое место было сразу за водителем креслом. Я сидела одна, но через проход, на этой же линии еще где-то в Швеции уселся молодой немчик с наружностью отъевшегося хряка, который всю дорогу бубнил по мобиле о своей большой любви и прочих приятных вещах своей Ане.

Вошедшие полицаи перекинулись шутками-прибаутками с шоферами и пошли по проходу салона. Парень подошел к бубнящему немчику: «Аусвайс, битте», а девица остановилась возле меня.

«Милая, пощади. Не спрашивай у меня ничего», — взмолилась я, мысленно следя за событиями сквозь ресницы. Девчонка постояла и, видимо, рассудила так: человек немолодой, волосы, посеребренные сединой, на террористку вроде не похожа, да к тому же спит — и пошла дальше. Ух, пронесло! Но сердце, тоже по старой памяти, бултыхалось где-то в горле. Собственно говоря, ничего бы страшного не было. Ну, сняли бы с автобуса и отправили назад — делов-то! Но коли я собралась, так надо доехать.

Автобус уже не тащился еле-еле, а несся на приличной скорости по автобану. Другая страна — другие песни.

Я не была в Берлине четыре года. Выйдя на конечной станции Омнибусбанхоф, я стояла на платформе, с удивлением крутила головой и ничего не узнавала. Вроде то, а вроде и не то. Вот этого киоска, торгующего в столь ранний час всякой ерундой, отродясь не было. А где здание вокзала? Вот оно! Я прошла мимо здания и вышла на улицу, по которой сплошным потоком двигался транспорт. Среди сотен легковушек неслись рейсовые двухэтажные автобусы желтого цвета. Вот он! Огромный город! Живо, пульсирующий, не знающий покоя ни днем ни ночью. Здравствуй, Берлин! Это я!

Закинув сумку к знакомой и коротко переговорив, я помчалась в немецкое ведомство по делам иностранцев. Все большие разговоры оставили на потом, на вечер. На

остановку я шла мимо пекарни, откуда веяли умопомрачительные запахи кофе и свежей выпечки. Удержаться трудно. Зашла и купила несколько пирожных, которые мне упаковали в красивую коробочку. С этой коробочкой я явилась в грозное ведомство, где была благополучно арестована.

У меня отобрали копии документов, откатали пальцы, провели блиц-опрос, и все это в спешке. Быстрее, быстрее, быстрее, как будто опаздывали на отходящий поезд. Для чего это делалось, я знала. Такую спешку устраивали специально, чтобы полностью дезориентировать человека. Подъехала большая зеленая машина с зарешеченными окнами и надписью «Polizei». Нет, нет, это все неправда! Это какой-то морок... но стряхнуть с себя этот морок не получалось.

Внутри машина была разбита на несколько маленьких камер, в одну из которых меня и запихнули. Куда-то повезли. Меня возили весь день. В одном месте опять катали пальцы, обыскивали, пропускали через рамку, измеряли рост и вес, фотографировали в профиль и анфас, давали на подпись какие-то бумажки. В другом месте меня поместили в камеру с молодой немкой весьма замызганного, наркоманского вида. Периодически она принималась плакать:

— Я беременна, — как бы прося утешения, выла немка.

Господи, ну и какого же ты ребенка родишь, глядя на нее, думала я, наркоманка чертова. Не будет тебе никакого утешения.

— Тихо! Чего реवेशь? — утихомиривала я ее, когда стенания становились уж совсем непереносимы.

Потом меня повезли еще куда-то и на много часов заперли в деревянной клетке. То есть ограждения и лавки были из дерева. Почему-то у меня всю жизнь было какое-то смутное предчувствие, что когда-нибудь я попаду в тюрьму, что эта чаша меня не минует. Молодость прошла благополучно, а вот на шестом десятке свершилось.

«Ничего, разберутся», — утешала я себя. Эта мысль грела душу. Понемногу от долгого ожидания и безделья, когда были изучены все царапины и щербинки на лавке, я запела. Сначала про себя. Потом едва слышно, потом в силу, которую давали прокурорские легкие:

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой,
А я остаюся с тобою,
Родная навеки страна.
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Дальше следовали «Офицерский вальс», « В лесу прифронтовом», «Марш авиаторов», у которых «вместо сердца пламенный мотор», и, наконец, «Катюша». Нател!

Только к вечеру меня привезли в какой-то бокс-пенал, выкрашенный от пола до потолка в темно-серый цвет. Стул, стол, топчан — все. В коридоре, по которому меня вели, случился маленький инцидент: Немка-полицайка очень недружественно толкнула меня в спину: шевели, мол, ногами резвей. Обратная реакция была на русском языке, непечатными словами. Все равно не поймет. Это было только начало длинной череды унижений, через которые мне довелось пройти. Надо было привыкать.

Принесли простыню, подушку и армейское худое одеяло. Оставшись одна, я поздравила себя с новым статусом — зэчка. Мама миа, зэчка! Красивую коробочку из пекарни

у меня не отобрали. Оставили. Наверное, в качестве возмещения морального ущерба. Я открыла коробочку, из которой на меня печально смотрели слегка помятые жизнью пирожные.

Я дико устала от неожиданных событий сегодняшнего дня, но анализировать ситуацию не было ни сил, ни желания, и, сказав перед сном заветное слово «Плевать!», я провалилась в тяжелый сон. Свет в боксе не выключался всю ночь. Но несмотря на это, утром я обнаружила себя всю искусанную клопами.

Снова повезли. Никогда до этого мне не приходилось смотреть на Берлин через зарешеченные окна «маруси». Где меня везли, по каким улицам, определить было невозможно. Наконец машина встала. Медленно поехали в стороны высокие ворота. «Маруся» въехала на территорию тюрьмы, огороженную высоченным забором, по верху которого была натянута в несколько рядов колючая проволока. Здесь мне предстояло провести два с половиной месяца.

Меня завели в небольшую комнатку, еще раз обыскали до трусов, заполнили формуляры на вновь поступившую и присвоили номер: 123. Полицайка в форме выдала мне пластиковый ящик, в котором были вонючее постельное белье, одеяло, зубная щетка, паста и малюсенький кусок мыла. Полицайка знаком показала, что мне следует взять ящик и следовать за ней. Ну щас. Тащи сама... Я замотала головой, не могу, мол — кранк.

Подниматься надо было на шестой этаж. Лифт был, но на нем женщин, томящихся в неволе, никогда не транспортировали. Еще чего! Пешком побегают. Лестница поднималась аккуратно на полицейский пост, где стоял стол со стульями, а в углу грустило пыльное искусственное дерево в кадке. По обе стороны полицейского поста свободу от несвободы отделяла железная решетка от пола до потолка, с прутьями в палец толщиной. По правую сторону, куда препроводили меня, находились нормальные женщины. По левую — за такой же решеткой и за закрытой дверью трансвеститы, гермофродиты и прочие ошибки природы. Но об этом я узнала позже.

После того как за мной захлопнулась железная дверь решетки с классическим клацанием тюремных ключей, сердце ухнуло куда-то в пятки, и казалось, закипает кровь.

В камере, куда меня привели, в это время полным ходом шла уборка. Вся в мыле, турчанка лихо мотала шваброй туда-сюда, едва кивнув новенькой. Такая спешка объяснилась позже: на весь отсек ей выделялся час времени. За этот час она должна вычистить все унитазы, умывальники, убрать мусор, вымыть полы в камерах и коридоре.

Бабский народ во время уборки томился в большой общей комнате, запертый на щеколду. Так было каждый день, кроме выходных и праздничных дней. После того как с лязгом защелкнулась щеколда, я огляделась. Комната представляла из себя... да ничего она не представляла: пустая площадь с теннисным столом посередине, на котором, как куры на насесте, сидели женщины разных национальностей. Да на одной стене висел электрический прикуриватель. Все! Хочешь комфортабельно прожить этот час — тащи с собой стул из камеры. Женщин было человек тридцать-тридцать пять, добрая половина из которых вьетнамские товарищи. Остальные вразнобой.

— А русские есть? — обратилась я к кому-то.

Показали на сидевшую у зарешеченного опять же окна молодую, стриженную под Зою Космодемьянскую женщину. Та читала книгу.

— Давайте познакомимся, — вежливо обратилась к ней я. Незнакомка подняла голову. Боже, что это?.. «Всюду жизнь», сказал великий художник, — она была при полном макияже: глаза подведены и сверху, и снизу, родные брови отсутствуют, зато нарисованы неродные, губы накрашены да еще обведены цветом потемней.

— Я Тая.

— Ира.

И опять уткнулась в книгу. Ну, понятно. За границей полно русских, которые шарахаются от русских же как черт от ладана. Вообще-то, она оказалась с Украины. Но ответила по-русски еще на один вопрос, и за это спасибо.

— А что это за район? Где мы находимся?

— Кёпеник, — сказала Ира.

Кёпеник... Кёпеник! Да. Я слышала раньше, что в Кёпенике находится депортационная тюрьма, но чтобы самой попасть сюда... Неисповедимы пути твои, Господи!

Здесь, в Кёпенике, была подписана капитуляция в сорок пятом году. Здесь, в Кёпенике, Штирлиц таскал через дорогу чемодан радистки Кэт.

Ночью я долго ворочалась на первом этаже двухъярусной кровати. Матрац кровати надо мной лежал на дощатом настиле, который был разрисован и расписан вдоль и поперек. Я долго изучала надписи и метки над головой. Казалось, полмира отмечилось здесь: арабская вязь, Монголия, бывшая Югославия, Болгария, Вьетнам, Турция, Украина и т. д. Кто просто ставил свое имя, страну и дату, а кто рисовал паскудные картинки.

Потушили свет. И на двери высветилось круглое отверстие. Глазок — догадалась я. Какой же это изолятор? «Изолятор» — слово нейтральное и незлое. А заведение, куда я попала, — самая настоящая тюрьма: могучие двери с глазками и затворами, решетки везде и всюду, в туалете какая-то амбразура, в которую из коридора можно видеть, что происходит внутри, вертухайки в полицейской форме. Единственный положительный момент — внутри тюремного отсека можно беспрепятственно ходить везде. В голову полезли всякие упаднические мысли, появление которых гарантировало бессонную ночь. А кому это надо? Правильно, никому не надо! Я произнесла волшебное слово — «Плевать!», повернулась на другой бок и спокойно уснула.

В тюрьме старались селить сиделиц по национальностям. Была африканская камера, в которой жили две африканки — старожилка Бетси, морочившая голову немецким властям своими данными и по сей причине сидевшая в этом славном заведении около года, и по этой же причине злющая как фурия, парижская студентка университета, почему-то оказавшаяся в Германии без документов, Кристин. Кристин занималась целыми днями какой-то хиромантией и редко выходила из камеры — только по необходимости. Она катала блюдце, пытаясь узнать будущее, звенела подвязанным на нитке золотым колечком, писала на клочках бумаги одной ей понятные знаки и закорючки..... видно, заучилась, снесло девке крышу.

В двух-трех камерах жили вьетнамки. Не капризные, не избалованные жизнью, добродушные, выживающие во всех немислимых условиях, они оставили о себе теплые воспоминания. Командовала ими Вьетнамка-Мама. Маленькая, сухонькая, ходившая в туалет по стеночке, говорившая шепотом. Много позже в личной беседе Вьетнамка-Мама рассказала мне о том, что она в тюрьме четыре месяца и за это время потеряла восемнадцать килограмм, что лечить ее никто не лечит и все врачи — шайзе. Она потихоньку таяла и почти все время лежала на кровати, поскольку производить какие-либо действия у нее не было сил.

Вьетнамок было много, но некоторые из них запомнились. Конечно же, они имели имена и фамилии, но уж столь трудные для нашего уха и восприятия, что легче обозначить их по некоторым признакам. Вьетнамка «с косичками» отличалась зычным голосом. Когда она его включала, перекричать ее было невозможно. Как боцман на флоте. И еще тем, что в свои почти сорок лет выглядела двадцатилетней девочкой. Хромоножка. Хромала, и даже не хромала, а прыгала на одной ноге, едва ступая на другую не по причине физического дефекта, а по причине разросшегося до гигантско-

го размера сухого мозоля на подошве, который необходимо было вырезать — иначе от него было не избавиться. Какие они — известно всем: ноет паразит и днем и ночью. Ни хрена ей никто ничего не вырезал. Терпела, бедненькая.

Еще запомнились две прелестные дамы, которые, особенно по вечерам, в дождливую погоду, когда отменяли прогулки, чтобы не задеревенеть, ходили по коридору туда-сюда, наматывая километры. И всегда улыбались. Причем не номинально-резиново, а так, как могут улыбаться люди с чистыми помыслами и душой.

В югославской камере жили югославки и цыганки.

— У меня три мужа, — говорила веселая хорватка Майка, — и не один не придет. Пичка матерна!

Валида — дама в возрасте. Попала в изолятор по нелепой случайности. У нее, по халатности или забывчивости, не был продлен вид на жительство. Ее сыновья и муж таскали ей в тюрьму сигареты блоками. Она курила, прикуривая одну сигарету от другой, с утра до глубокой ночи.

Ну и, наконец, русская камера или, вернее сказать, русскоговорящая. Сюда пихали всех, кто мог мало-мальски изъясняться по-русски. Вот сюда и привели меня. Соседками оказались две женщины. Монголка и пожилая иранка, которую вскорости куда-то отправили. Монголка, худенькая, изящная девушка с приятными чертами лица и тонкими пальчиками, сразу стала называть меня Мамой, ну а я ее, соответственно, Тохта (Дочь). Вот, думала я, дочкой обзавелась. Тохта говорила немного по-английски, немного по-немецки и неплохо по-русски. Она обладала феноменальной памятью, голова у нее работала будь здоров! Моментально въезжала в ситуацию, и если случалась редкая пробуксовка, то она измучает вопросами — ей надо было знать все досконально, до мелочей. Потом следовал вывод, с которым трудно было не согласиться. Она была мягкая и покладистая и в то же время жесткая. «Волчьи зубы, лисий хвост». Скажет, как отрежет. Все! Решение принято. И возвращаться на исходную позицию уже не будет ввиду нецелесообразности. Эта монголка, по моему разумению, вполне смогла бы управлять какой-нибудь страной. По словам Тохты, ее арестовали в транспорте. Она не знала, что купленный билет надо прокомпостировать. Купила и едет себе дальше. Подошли проверяльщики, она со спокойной совестью подала билетик, а те спросили паспорт, которого не было. Удостоверения личности нет — пожалуйста в тюрьму, то бишь депортационный изолятор.

В камере, помимо четырех двухъярусных нар, в центре стоял большой, намертво привинченный стол, по обеим сторонам которого так же намертво привинченные, широкие лавки. На столе — маленький телевизор. Свое небогатое имущество, которое разрешалось брать с собой в камеру, сиделицы хранили в металлических шкафах. У каждой имелся ключик от своего отделения.

Кормили два раза в день. Утром, в восемь часов, завтрак. В час дня обед. И все! Никакого ужина не полагалось. На завтрак давали один и тот же набор продуктов. Это быстро приедалось. Поэтому на кухне отсека стояли батареи какао в тетрапаках, лежал штабелями хлеб, горы маргарина в мини-упаковках, джемы-мармелады. Практичные вьетнамки использовали маргарин в качестве крема для лица. Гуд! — говорили они, приглашая тем самым последовать их примеру: смотри, сколько витаминов.

По вечерам они готовили себе ужин. Сваливали в чашку все, что оставалось от обедов-завтраков: колбасу, кислую капусту, яйца и т. д. Эту смесь заворачивали в тонкие листы из теста, которые им приносили с воли, и обжаривали на сковородке. Было вкусно.

Вместе с вьетнамками жила одна китайка. В то время был какой-то конфликт между Китаем и Тибетом. И сюжеты об этом конфликте часто показывали по телевидению.

— Далай-лама ни хт гут, — говорила она, — мафия.

— Фрау Зубин.... Фрау Зубин.... — кричала полицаика по ту сторону решетки, вызывая кого-то. Никто не отзывался.

— Айн, цвай, драй, — устав выкрикивать фамилию, заорала она.

Боже! Так это же я! Айн, цвай, драй — это я. А кто такая Зубин?

Фамилию исковеркали, догадалась. Из хорошей русской фамилии Шубина сделали Зубин. Ах, мать твою.... посадили ни за что, так еще и фамилию переименовали.

Полицаика махнула рукой, мол, давай двигай за мной.

Меня вывели из корпуса, провели мимо прогулочных загонов и привели в неприглядное одноэтажное здание. Как оказалось впоследствии — это мозг, сердце, нервная система и т. д. тюрьмы. Здесь вершились судьбы: кого выпускать, кого держать, кому готовить документы на отправку. Зал свиданий тоже был здесь. В небольшом зале предложили сесть. Рядом оказался молодой парень.

— Здравствуйте. Я ваш переводчик.

— Что это? — спросила я.

— Суд.

Как? Меня еще и судить будут, подумала я. Ну дела...

Вошел судья. Появилась деваха, видно, вести протокол. Судья был из породы «вечных мальчиков» — сухощавый, с молодым лицом. И только седые вихры выдавали возраст — шестьдесят с хвостиком. Белая манишка, потертый пиджак, сбита набок бабочка, никому и ничему не верящие умные, ироничные и пронизательные глаза, давно привыкшие к театру человеческих страстей.

Как только он вошел, началась спешка сродни панике. Быстрее, быстрее, быстрее... Вопросы сыпались один за другим, не оставляя времени на раздумья. Это мы уже проходили. Что-то это напоминало. Где-то я уже читала о такой спешке. Вспомнила. Об этой искусственно нагнетаемой панике писали люди в своих мемуарах о сталинских лагерях. Выбить человека из колеи, чтобы он ничего не соображал, — вот задача подобного рода заведений. Надо же! Другое время, другая страна, а методы все те же.

— Как вы попали на территорию Германии?

— Купила билет, села в автобус и приехала.

— Как прошли паспортный контроль?

— Не знаю. Была ночь, я спала. Меня не тронули.

— Спала? — глаза судьи весело заблестели. — Ну-ну...

— А где ваш паспорт?

— У вас. В моем деле.

Дядька, представляющий ведомство по делам иностранцев, утвердительно кивнул.

Но делать нечего. Надо было ждать ответа из Швеции с подтверждением идентификации.

Нужно было срочно позвонить подруге. Объявиться. Тохта посоветовала купить телефонную карту в киоске, который приедет в два часа. В назначенное время загорелись полицаики:

— Киоск! Киоск!

Приехал симпатичный мужичок с тележкой. За решетку сиделиц выпускали по одной. Купила, битте обратно. Впускают следующую. Во всем должен быть ордунг! А как же без него? Кофе, сигареты, мыло, соки — чего душа пожелает. Отъезжающие на родину вьетнамки покупали в больших количествах хороший шампунь, хорошие, дорогие кремы и дезодоранты. Наверное, с этим там была напряженка.

Купив телефонную карту, я устремилась к телефонному аппарату, висевшему на стене в конце коридора. Аппарат не просто ел, он жрал деньги с невероятной скоростью. Успела сказать самое необходимое речитативом, и денег на карте не стало — скончались. Ну да! Все для блага человека!!

Остаток дня провела, слоняясь по отсеку, изучая пейзажи за окнами. Из окна курилки было видно двойное высоченное, из бетонных плит, ограждение, разделенное дорожкой метра в полтора. В конце ограждения — вышка, но, правда, без стрелка. С правой стороны — крыша магазина Лидл, с левой — обычные многоэтажные жилые дома. Ничего интересного. Зато с другой стороны, из кухни, открывалась великолепная панорама на реку Шпрее, которая была особенно красива в закатном свете солнца. Трудяга Шпрее таскала на своих водах баржи, груженные чем-то сыпучим, катала беззаботных туристов на открытых корабликах и гоняла яхты с разноцветными парусами. Берег реки был усыпан частными домиками. А перед домиками иногда проносился хулиганистый трамвай, который как бы говорил: «Сидишь? Ну и сиди! А я побежал... Некогда мне!»

На другой день прилетела подруга с туго набитыми авоськами — помощь голодающим.

— Блин, — сокрушалась она, — они ведь сейчас акцию по вылавливанию нелегалов проводят. Германию очищают от нежелательных элементов. Хватают кого ни попадя. Нет документов — и ты не человек. Я вот сейчас к тебе приехала, так полицаи со мной сквозь зубы разговаривали. А как увидели немецкий паспорт — сразу тон сменили.

Уныние первых дней постепенно проходило. Этому способствовало еще и то, что стало поступать много хохлушек. Первая пришла Наташа-Розочка. Кличку «Розочка» она получила из-за розовых фишек, поскольку страстно их любила и всегда играла только ими.

Во время уборки, когда сиделицы томились в общей зале-курилке, звякнула щелка, открылась дверь, и вошла дылда с простецким и родным лицом. Затем пришла Валя... Оля... Оксанка... Тома. Поплакав день, поскулив и поскучав, они включались в жизнь. И началось! Такой радости и веселья я давно не испытывала. Шутки-прибаутки, анекдоты, взрывы смеха, приколы и розыгрыши. По вечерам играли в карты и во все, что возможно. Кукарекали, лазали под столом, носились в одном исподнем по коридору на потеху полицейкам. Девчонки помирали со смеху, когда толстая я отжималась от пола с оханьем и матерками. Было очень-очень весело. Вот чего мне не хватало в Швеции!

Идиллию пыталась нарушить одна поступившая позже львовская западенка, призывая всех говорить только на украинской мове, которую я не понимала, но ей быстро надавали по ушам. Наглая и ушлая бабища, кроме раздражения, ничего не вызывала. Я с ней не связывалась. Боялась. Не западенку. Себя. Я знала свой характер, знала, что могу идти напролом, круша все на своем пути. А кому это надо?

Поступила новенькая. Через решетку было видно, как высокая жилистая девушка в мини-юбке перебирала вместе с полицейками свои вещи. Все изымалось из открытого чемодана, просматривалось и складывалось обратно. Когда процедура была закончена, ее повели не к женщинам, а к трансвеститам. Вот те на! И кто бы подумал... Там уже было двое. Одна азиатка/азиат с длинными, прямыми волосами и пухлая дама-блондинка. По-видимому, блондинка была/был существом приветливым и доброжелательным: она/он радостно махала в приветствии рукой, когда случалось оказаться вместе по разные стороны длинного коридора.

С вновь поступившей довелось близко пообщаться и даже поговорить. А дело было так...

— Ялла, ялла! Давай-давай! Ма-ла-дес... — кричала полицейка турецкого разлива, приглашая особо больных на прием к врачу. В предбаннике кабинета врача на широкой лавке сидела вчерашняя девушка в мини-юбке. Любопытство, конечно же, не порок, а большое свинство, и по этой тривиальной причине разглядывать ее в упор было верхом неприличия, а посему приходилось довольствоваться короткими, но все

примечающими взглядами. Хорошая грудь, размера эдак третьего, никаких выпуклостей между ног не наблюдалось. Лицо густо напудрено и слегка отдает синевой. Жгуче-черные волосы взбиты и сзади забраны в хвост. Свитер в обличку, широкий пояс на бедрах.

— Откуда ты?

— Из Бразилии.

Ого! Далеко забралась. Поразил голос. Низкий с переливами — завораживающий. Такие грудные голоса встречаются и у женщин. Как попало, на корявом немецком, мы говорили о Бразилии, о местных порядках и о всякой ерунде. Существо, безусловно, было не лишено обаяния и какого-то врожденного шика. Наверное, судьба у них тяжелая. Мне врезалось в память, как эту девушку вели под конвоем через тюремный двор под крики и улюлюканье мужского населения тюрьмы. Откуда они узнали: ху ис ху? Однако рев стоял страшный.

Всяк сюда попадал по-разному. У Вали был день рождения. И она, отметив как следует знаменательную дату, решила с друзьями сходить на дискотеку. Сходила. В самый разгар веселья клуб окружил немецкий ОМОН, и у всех присутствующих стали проверять документы.

— Ну и что? — говорила она. — Вышлют меня, а я через пару недель опять здесь нарисуюсь.

И это было истинной правдой. Были артистки, которых депортировали по три-четыре, а то и по пять-шесть раз.

Ольгу загребли вместе с мужем. Он находился в мужской тюрьме. В квартиру, где они жили, позвонили условным звонком, который знали только близкие люди. Открывают — стоят полицаи. Условный звонок знал и хаусмастер, который, по-видимому, их и сдал.

— А больше некому, — констатировала Ольга.

Наташа-Розочка пошла в магазин с тележкой на колесиках закупать продукты. Ее и привезли с этой тележкой. Фокус заключался в том, что русские узнаваемы. Наметанный глаз безошибочно определяет русских в толпе.

— А как ты в Германию приехала? — спрашиваю Розочку, зная по своему опыту, что пересечь границу весьма и весьма непростое дело.

— Да в Украине работают целые фирмы, которые занимаются транспортировкой людей в Германию. Платишь мзду — за так просто никто не повезет. Загружают людей вместе с товаром и везут. Весь путь приходится стоять. Особенно опасно на границе. Шоферы предупреждают, чтобы в этот момент все замерли, чтобы из машины не доносилось ни звука... Ни-ни! Иначе последствия будут плачевные. Нас выкинут. Шоферам влетит по первое число.

Горек нелегальный хлеб. Приехать — это одно дело. Надо еще найти работу. В основном это уборка квартир. И вот мечется эта несчастная по всему Берлину, зарабатывая, в сущности, копейки. Из этой суммы надо платить квартплату за снимаемое жилье, питаться и остаток отсылать в Украину детям.

— И вот я здесь... что делать? Ну что делать? Значит, Бог хочет этого, — голос звучал тихо и проникновенно.

На лавке в предбаннике у врача сидела новенькая — огромная, под два метра ростом африканка. По-немецки она говорила сносно, и это значило, что в Германии она прожила несколько лет. Голова наклонена слегка вбок, очи долу, и перебирает руками край своей курточки. Сама скромность, святость и добродетель. Этим она и купила меня, проникнувшись к ней сочувствием и пониманием. Новенькую звали Розы, и была она из жаркого и знойного Камеруна. Ее журчащая ручейком речь успокаивала, действовала как холодный компресс на раскаленный лоб.

Все уже сходили к врачу, но охрана сегодня не торопилась вести нас наверх, в отделение. Наконец щелкнула щеколда, распахнулась дверь:

— Ялла, ялла! Давай-давай!!

— Ма-ла-дес, — заканчиваю, поднимаясь.

«Бери шинель, пошли домой...»

Я решила не торопить события. Розы расскажет все сама, когда придет время. Ждать пришлось недолго.

Рози зашла в кафешку, куда частенько заглядывала, поболтать с хозяйкой. Она стояла у двери, договаривая последнюю фразу перед тем, как покинуть заведение. Надо было сделать всего один шаг, но не успела... Вошли два полица. Один встал у дверей, никого не выпуская, второй стал проверять у присутствующих ксивы.

— Всего один шаг, — сокрушалась она, — и я бы сюда не попала.

Через неделю от «праведницы» не осталось и следа. Веселая и беззаботная, она накручивала из своих проволочных волос смешные рожки, на нос цепляла серьезные, профессорские очки — зрелище и впрямь забавное. Крутила своей необъятной задницей, заслушав веселую музыку, так, что казалось, она у нее резиновая.

В Камеруне у нее были большой двухэтажный дом и четверо детей. Двое старших, уже взрослые, жили здесь — в Берлине. У нее была большая любовь! И вечерами она ворковала по телефону: «...майн шац... майн шац...»

Поскольку слышимость в тюрьме была хорошая, то можно было слышать, каким задушевым и на все согласным голосом разговаривала она со своим «шац», но голос кардинально менялся, когда она говорила со своими детьми: появлялись металл и непреклонность. Как полководец, отдавая приказы о движении войск. И хотя с детьми она разговаривала на своем африканском языке, было понятно, что послушаться приказов — ни Боже мой! И подумать страшно.

И однажды «шац» приехал в тюрьму с визитом. Древний и ветхий старичок, который, по всей видимости, передвигаться самостоятельно уже не мог, и его эскортировали «под ручки» с обеих сторон Розины дети. Парень и девушка. Тут шла битва не на жизнь, а на смерть. И это было понятно и объяснимо. Дряхлый «шац» долго не протянет. И когда он склеит ласты, Розы остается вдовой бывшего полицейского со всеми вытекающими, как то: квартира остается за ней, имущество тоже плюс нехилая пенсия И тогда можно будет забрать четверых детей из Камеруна в Германию, а двухэтажный дом сдать в аренду. «Сыт, пьян, и нос в табаке».

— А как ты с ним познакомилась? — как-то спросила я.

Оказывается, сидела прекрасная Роза на лавочке на какой-то автобусной остановке, и вдруг подходит ОН, прекрасный принц и «шац» в одном лице, предлагает ей руку и сердце и желает с ней создать семью.

— Ой, — хохотали девчонки, — где же эту лавочку найти!

Отношение к Розе понемногу менялось. Из ангела с тихим голоском вылуплялось наглое, скандальное существо, которое раздавит любого, кто скажет слово против или встанет на пути.

Каждое утро начиналось с табачного дыма, который проникал в глазок на двери. Запахло табаком, значит, пришла новая смена — старая сдает вахту. Утро начиналось с кофепития с сигаретой вприкуску. Полицайки — коим несть числа — люди подневольные. Работа у них такая паскудная. Надзирать. Но и среди них редко, но находились женщины хорошие, можно сказать, душевные, и видели они перед собой не преступных нелегалок, а людей.

— Айн, цвай, драй, — говорю довольно громко, подходя к столу. Сидящая за столом полицайка откладывает в сторону карту с моими данными и фотографией. Та-

кая процедура происходит с каждой подходящей к столу зэчкой. Все идут на прогулку. Гуськом под конвоем спускаются на первый этаж, где у выхода уже ждет полицай. Группами по два-три человека он выпускает женщин. У входа в зарешеченный загон стоит впускающий полицай.

Так! Все зашли? Можно закрывать загон на замок. Пока дамы гуляют, полицаи курят. По двое, по трое, а то и поодиночке дамы-зэчки ходят кругами. Вот почему так? — не раз спрашивала я себя. Можно играть, можно бегать, можно, наконец, просто стоять. Таки нет! Ходят кругами, и все тут!

Чувствовался скорый приход весны. Воздух был свеж и тепел. Мимо забора прошлепал веселый судья — «вечный мальчик», помахивая портфелем. Волосы, как всегда, торчком, а бабочка нынче на месте. Хорошо, видно, сегодня потрудились: решений много вынес — можно и отдохнуть. «Сделал дело — гуляй смело».

Пребывание в тюрьме — это, конечно же, плохо. Но были и положительные моменты: первое — общение, второе — библиотека. Шикарная! Такого собрания русской литературы я не встречала ни в одной шведской библиотеке, где мне доводилось побывать. В шведских библиотеках на полках стоят Маринина, Донцова, диссиденты и прочая макулатура. Но здесь глаза разбежались. В этом царстве, куда меня привела, гремя ключами, одна полицайка «с человеческим лицом», я нашла россыпь сокровищ. Ба! Вот это да! Все, что хочешь, на любой вкус. Спасибо немецкой партии за заботу о человеке!

Иезуитский пастор по имени Мартин был один из тех, кто имел свободный доступ в депортационную тюрьму. Иезуит, в нашем представлении, — это крючконосый злой субъект, облаченный в длинный плащ с капуцином, торгующий индульгенциями. А если ты не желаешь приобрести оную индульгенцию, то иезуит объявит тебя еретиком и ничего хорошего тебе в жизни больше не светит. Пожалуйте не плаху или на костер.

Ничего такого в облике Мартина не наблюдалось: не было ни носа крючком, ни капучина. Высокий мотыль субтильного сложения с печатью вечной благодати на лице. Задача у него была утешать, успокаивать страждущих, хоть каким-то образом скрасить встречу людей с родиной, откуда они уехали в поисках лучшей доли. Каждое воскресенье пастор Мартин читал проповеди. Для этого в тюрьме существовал специальный зал, украшенный в соответствии с тематикой: крест, толстые свечи, развешанные по стенам картинки на библейские темы. Была маленькая кафедра, но демократичный Мартин никогда ею не пользовался, стараясь быть поближе к народу. Текст Мартин читал на двух языках — сначала на немецком, затем на английском.

Терпение... смирение... на все воля Божия... Вас будут высылать, и что вас там ждет — неизвестно, но... обуздайте гордыню, братцы. Тем не менее Мартин снискал себе репутацию честного и порядочного человека. Желающие могли поговорить с ним с глазу на глаз — облегчить душу, доносительством «куда следует» он не занимался. Это утверждали и старожилы, пребывающие в столь славном заведении не первый и, надо думать, не последний раз.

Зал, где проводились проповеди, был единственным местом встречи мужского и женского населения тюрьмы. Только здесь у Ольги была возможность увидеть своего мужа и обсудить насущные проблемы, а вьетнамские товарищи обоих полов активно общались между собой. На Пасху был устроен настоящий праздник. Всех одарили цветами и пасхальными куличами, упакованными в красивые глянцевые коробочки.

— Айн, цвай, драй... фрау Зубин... Тася! — кричит у решетки полицайка.

— Сегодня поедете к доктору, — услышала я, подойдя к решетке.

Меня везли к узкому специалисту разбираться с болячками. Меня и югославку Валиду.

В оговоренное время мы с Валидой, уже в пальто, стояли готовые на выход. Внизу, перед посадкой в «марусю», нам на ноги надели... самые настоящие кандалы. Я всякое могла себе представить, но такое — нет! Свободно шагать было невозможно, приходилось часто перебирать ногами. Как японки на своих колодках. Конвой — молодая деваха и пожилой турок. Худо-бедно в «марусю» мы забрались. Нас рассадили по зарешеченным клеткам.

Узкий специалист находился где-то в Кёпенике, потому как везли недолго. Машина остановилась. Надо было переходить дорогу. Я ловила на себе удивленные взгляды прохожих. Ну еще бы! Ведут преступниц государственного масштаба!

Проблемы начались на лестнице. Дом был старый. Ступеньки высокие. Лифта нет. Приходилось, скособочась и выворачивая ноги, подниматься со ступеньки на ступеньку. Больно. В комнате ожидания сидело несколько немок. Все замерло. Прекратился всякий разговор, когда нас, звенящих цепями, ввели. Валида села на стул и подобра ла ноги под себя — чтоб не видно было. А вредная, противная я, наоборот, вытянула ноги и подпернула штаны повыше — полюбуйтесь! Весь мой вид как бы говорил: мне не стыдно, это вам должно быть стыдно! Немки были в шоке!

Старый турок, обращаясь к сослуживице, повел неторопливый, как бы успокаивающий разговор, показывая этим самым, что все в порядке, ничего экстраординарного не происходит. Эка невидаль! Перед входом в кабинет врача кандалы сняли, но при выходе надели вновь. На обратном пути в машине я наговорила полицейам много всяких нехороших слов и по-русски, и по-немецки. Валида поминала югославскую маму.

Но кандалы оказались невинной детской забавой по сравнению с тем, что довелось в скором времени пережить всему женскому отделению депортационной тюрьмы.

Со стороны жилых домов часто, особенно по выходным дням, слышались резкие, сухие и громкие хлопки. Должно быть, детки баловались, рвали петарды, оставшиеся после Нового года. И вот в один субботний вечер я стояла с сигаретой в курилке. Докурившие свою порцию зелья две югославки вышли и закрыли за собой дверь. Я осталась одна. Канонада за окном грохотала, как при начале военных действий. Вдруг открывается дверь, и заходит одна полицейка не из «хороших», не из «плохих», а из категории «так себе» — немка со жгуче-черными крашеными волосами.

— Кто стрелял? — с порога спросила она. — Это ты стреляла?

Я подумала, что ослышалась или неправильно поняла. Кто тут мог стрелять? Бред какой-то. Чтобы стрелять, надо иметь пистолет, по крайней мере. А пронести его сюда — дело немыслимое. Каждый, кто сюда попадает, подвергается неоднократному обыску. Даже после свиданий человека пропускают через рамку, а продукты тщательно досматривают. Ничего режущего, колющего проносить нельзя. Кофе из стеклянных банок пересыпают в пластиковые пакеты. А тут пистолет...

— Нет, — отвечаю, — это петарды.

Но та прицепилась со своим пистолетом как банный лист.

— Ты че, ненормальная? — огрызнулась я. — Я и пистолет твой не только в руках не держала, я его не видела сроду.

Затушила сигарету, повернулась и ушла. Через пару минут я стояла в туалете и мыла руки, когда меня разыскала черноволосая полицейка. Вызвала в коридор.

О! Это еще что за кренделя? В коридоре стояли три холеных немца, но не в темно-зеленой полицейской форме, а в форме светло-коричневого цвета. Другое подразделение внутренних дел. Но каких?

— Она руки мыла, — суетилась черноволосая.

— Почему вы мыли руки? — поинтересовался один.

— Потому что посетила туалет. А вы разве не моете руки после посещения туалета? — резонно спросила я.

— Покажите руки, — попросил другой.

Да что это за наваждение, в конце концов! Что они хотят?

Я вытянула руки. Полицай поднес руку к носу. Понюхал. Это же сделала и я — понюхала ладони своих рук. Пахнет мылом «Фа».

Положение было настолько дурацкое, что я засмеялась. Надо же! Вроде серьезные дядьки, все трое стоят в наполеоновских позах, скрестив руки на груди, а занимаются такой ерундой. Черноволосая все трещала про пистолет. Я стала объяснять про петарды. Дядьки понимающе покивали, поулыбались и исчезли. Инцидент, казалось, исчерпан.

В камере родимые хохлушки пристали с вопросами «что да почему». Поднялся хохот.

— Ты почему мыла руки?! — спрашивали они любую, выходящую из туалета.

Но веселье прервал шум, доносившийся из коридора. Какие-то крики, какой-то визг, шум, гвалт. Ничего не поймешь. Все ринулись к двери посмотреть, что происходит.

Створки решетки распахнуты на обе стороны. На территорию женского отделения депортационной тюрьмы входил немецкий ОМОН. Люди в черной камуфляжной форме, в шлемах с прозрачным забралом, с автоматами в руках заволокли коридор. Гуляющих туда-сюда вьетнамских дам, схватив за шкуру, как котят, закинули в камеру. По стенам коридора металась красная точка.

— Назад!!! Закрыть дверь!!! — рявкнул один.

В русской камере воцарилась гробовая тишина. «Ни хрена себе», — прошептал кто-то. Шум в коридоре нарастал. Лающие мужские голоса, плач, истерика...

Дверь камеры от резкого рывка отскочила в сторону. В камеру ворвалось несколько амбалов.

Я, сидевшая спиной к двери, первое, что увидела, поворачивая голову, был приставленный к моему виску пистолет.

«Вот он какой, оказывается», — промелькнуло в голове.

В камере шла свистопляска. Потребовали отомкнуть личные шкафчики. Начался шмон.

В коридоре было темно от ОМОНа, да еще штук пять собак. Огромные волкодавы. Куда же немцы без собак? Это же классика! Всех женщин согнали в отделение трансвеститов, заперев последних в одной камере. Лежачую вьетнамскую Маму сдернули с кровати и так приложили об косяк, что она чуть дух не испустила. Потом стали по одной выводить на персональный досмотр. Раздевали до трусов, обыскивая каждую снятую вещь. Бабы-омоновки, надев на ручки медицинские перчатки, брезгливоковырялись в эковском барахлишке. Одна из них натянула на нос свой платок, болтавшийся на шее. Вероятно, от нас плохо пахло.

Дамы-зэчки вели себя по-разному. Кто плакал от пережитого ужаса, а кто, наоборот, хохотал. Кого трясло мелкой дрожью, а Валиду колотило по-крупному. Тело ее ходило ходуном. Руки прыгали, как у забубенной алкоголички. И все были бледные, кроме одной — вьетнамки с косичками. Лицо ее пылало праведным гневом. Смешно и трогательно было смотреть, как она, маленькая и худенькая, кричала на своем языке, вставляя ни к селу ни к городу немецкие слова. Рядом с ней стоял двухметровый (а то и поболее) боец со своим камуфляжем, бронезилетом и прочими прибабасами... гора-горой... гора с автоматом. Сила и беззащитность.

Сиделицы были взяты в кольцо ОМОНОм, как безответные овечки на лужайке, окруженные злыми волками. Только вьетнамской Маме позволено было лечь ввиду

ее тяжелого положения. Мама тихо плакала. Успокаивала ее, глядя по голове, черно-волосая полицейка. Такого цинизма я не выдержала.

— Артистка, — громко сказала я ей, — ты че наделала? А теперь сидишь и корчишь из себя добродетель?

— Закрой рот, — парировала та.

— Не закрою. Не заткнешь.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась перепалка, но тут протрубили отбой. Выходя из камеры, одна из югославок, кажется Майка, бросила стоящей на ее пути омовку:

— За моральный ущерб когда будете платить?

Та посмотрела на нее ненавидящими глазами и отчеканила:

— На родине получишь.

Самой толстокожей оказалась черная француженка Кристин. Той все трын-трава. Плавает в своем астрале, положив на суровую действительность болт с винтом.

Вернувшись в родные палестины, я застыла на входе. Во что превратили по-своему уютную камеру? На полу валялось все: матрасы, трусы, цветы из горшков, рассыпанный кофе, одежда, обувь, бананы — одно сплошное месиво. Только навели порядок, как меня вызывают к решетке. Повели в медпункт. В конвое злой демон, опять она — черноволосая полицейка. И на лестнице, когда никто не слышит и никого нет рядом, она давай извиняться. Ты, мол, прости. Накладочка вышла. С кем не бывает. Бес попутал и т. д. Я от отвращения не могла даже смотреть на нее. Единственное, что смогла, выдать из себя:

— Ты лучше иди к вьетнамской Маме и проси прощения у нее. И у других тоже.

В эту ночь не спал никто. На следующий день, стирая в ведре свое белье (ведро для стирки одно на камеру, поэтому каждая стирала в свою очередь), я пришла к выводу, что вчерашний случай оставлять так просто нельзя. Надо что-то делать. В газету написать! В какую? В «Берлинер цайтунг»? А как это осуществить?

— Мартин. Он поможет, — просто сказала Тохта. Точно!

Сказано — сделано. Сбегали к вьетнамкам. Сбегали к югославкам, африканкам. Все «за». Сообща написали текст на русском языке с требованием извинений от администрации тюрьмы. И все женское отделение подписало письмо. Пастор Мартин все сделал как надо. Письмо было переведено на немецкий язык и отправлено в газету. Статьи, правда, никто не видел. Но по-видимому, она была опубликована. Недели через две после погрома всех дам-зэчек согнали в курилку и закрыли на щеколду. Внепланово. Уборки в это время отродясь никто и никогда не производил. Что-то случилось. Но что?

К Хромоножке пришли с визитом родственники, и она в это время оказалась внизу, в зале для посетителей. Вот она-то и рассказала, что было внизу. Там собралась целая демонстрация возмущенных немецких граждан, которые требовали встречи с администрацией тюрьмы и заключенными женщинами. Администрация на контакт не пошла. А женщин отогнали прочь от окон, заперев в курилке во избежание контакта.

Прошло какое-то время. Страсти понемногу улеглись. Жизнь вошла в привычный ритм. Но однажды в разговоре с полицейкой «с человеческим лицом» я ненароком задела тему стреляющих за окном петард.

— Да мы знаем, — отмахнулась полицейка.

Как? Они знают?? И устроили такое... И еще один момент насторожил. Оказывается, двумя неделями раньше точно такой погром с ОМОНОм был учинен в мужском отделении тюрьмы. Это наводило на размышления. По всему получалось, что это плановое мероприятие. Но зачем? И какую оно имело цель?

Отношения между соратницами по заключению были равными и вполне дружелюбными, пока в столь славное заведение не поступила одна маленькая, рыжая арабка. И началось! Ее звали Сюзан. Непонятно из каких соображений, но ее почему-то поселили в русскую камеру. И в первый же вечер она стала замахиваться на Тохту и бегать за ней вокруг стола с целью применения физического насилия. Спать, как все люди, на кровати она отказалась — спала на полу, на поролоновом матрасе. Каждый вечер поролоновый матрас и его окрестности зарастал горами мусора: конфетные обертки, раздавленные чипсы, банановая и мандариновая кожура. Она не убирала за собой. Не привыкла. Или не хотела.

К всеобщему счастью, Рози взяла Сюзан под защиту.

— Вы жестокие, бессердечные женщины. Бедная девочка, она совсем одна здесь. А вы этого не понимаете.

— Так возьми ее к себе, — радостно ухватило общество. Пойманной за язык Рози отступить было некуда. Сюзан переселилась в африканскую камеру. На следующее утро Рози разъяренной фурией неслась к полицейскому посту, громко костеря Сюзан.

Смешно сказать, но наше многонациональное общество, включая немок, не могло справиться с одной маленькой, рыжей арабкой. Ее гоняли из камеры в камеру, и нигде она не могла прижиться. Наконец пошли на исключительные меры: открыли пустующую камеру и поселили туда Сюзан. Одну.

После почти трех месяцев, проведенных в немецкой тюрьме, наступил день, когда меня повезли в аэропорт Щёнеберг. Как ВИП-персону, только наоборот. На полицейской машине меня подвезли прямо к трапу самолета на рейс Берлин—Стокгольм. Завели в салон, определили на место, и только после этого пошел основной поток пассажиров, рассаживающийся согласно купленным билетам. Летели час с небольшим. Швеция встретила серой беспроглядной мглой и холодным злым дождем. А в Берлине тепло. Цветочки цветут.

Выводили меня из самолета последней. У трапа уже стояли по мою душу. Отвели в миграционный отдел. Попросилась у одного серба, чтобы вывел на воздух покурить. Понимал он русский язык плохо, говорил еще хуже, но кое-что, видно, улавливал.

— Вы зачем меня обратно забрали?— спрашиваю. — Меня через две недели должны были выпускать.

Я знала, что работники сей паскудной организации должны писать отчеты и мои слова будут зафиксированы. Ну на кой хрен я им нужна, если в течение столь длительного времени никто, по сути, моим делом не занимался, а ответ из посольства для них пустая бумажка. Как мне сказала одна дама, Германия — это Германия, а это Швеция. И доказывать, что данный документ имеет силу и на территории Швеции — сизифов труд. Непробиваемые. Бетоннолобые.

Привезли в депортационный изолятор в городке Мэшта, совсем рядом с аэропортом Арланда. При приеме, как водится, провели шмон, перещупав все мое нехитрое барахлишко, провели через рамку металлоискателя. После этой процедуры завели в основное помещение. Сразу бросилось в глаза различие между немецкой тюрьмой и шведским изолятором. Там тюрьма настоящая, а здесь для меня еще непонятное заведение с аквариумом, спортзалом и компьютерами с выходом в Интернет. Для женщин имелось отдельное помещение с внушительной дверью, которая в случае необходимости закрывалась наглухо. За этой дверью располагались комнаты для сиделиц. Комфортабельные, чистые, с хорошей вентиляцией и по-своему уютные. В просторном общем зале висел на консоле большой телевизор, транслирующий каналы разных стран. Из-за этого порой возникали мелкие ссоры: одни хотели смотреть программы своей страны, другие своей. Побеждала та страна, представителей которой

было больше. На общей территории все были равны, деления по гендерному признаку не было. Все были сидельцы, даже дети. Никаких личных номеров у людей не было, и это радовало. Это немцы любители ставить на человека безликий номер с незапамятных времен. Правда, сейчас не выжигают на руке. Помню кадры военной хроники, когда маленькие дети показывают на руках татуированные цифровые знаки холеным немецким офицерам, приехавшим в концлагерь, по-видимому, с инспекцией.

Мне досталась комната без соседей, чему я была несказанно рада. Веселых хохлушек не было, общаться не с кем, а с остальными дамами общего языка для общения не находилось. Обходились улыбками. Зато в мужском обществе таких проблем не было. Подавляющее большинство говорило по-русски. Клички придумывались согласно национальности. Был Бурят, был Черкес, Армян, Хохол, Татарин и т. д.

Служащие миграционного ведомства, постоянно работающие в изоляторе, относились к подопечным ровно, звали всех по именам. Такой явной ненависти и презрения, сочившейся из всех щелей в немецкой тюрьме, здесь не было. Если в Германии вертухаи в основном были немки с редким включением онемечившихся турчанок, то в Швеции подавляющее большинство — иностранцы. А если учесть, что девяносто пять процентов получивших вид на жительство, а впоследствии шведское гражданство, меняли свои данные, то еще неизвестно, кто должен сидеть в изоляторе. Смотрит такой шведский гражданин на нас и тихо радуется, как ловко его папа надул шведов.

Меня курировала молоденькая иранка Митра. При поступлении у меня нашли свидетельство о рождении. К этому свидетельству она и прицепилась.

— Ты сколько времени работаешь в ведомстве? — спрашиваю.

— Два года.

Известие о том, что меня собираются депортировать, я приняла спокойно, но сердце защемило. Я знала, что шведы занимаются грязными делами. Они вывозят людей из страны и просто бросают их в аэропортах. Осведомлен — значит вооружен. Я стала готовиться. Сняла копии важных документов. Как в воду глядела.

— Митра, свидетельство о рождении не является документом на возвращение, — увещевала я ее, — Ты делай все по закону, через посольство.

— Я с тобой говорить больше не хочу. Билеты уже заказаны.

Ах, мать твою. Ну до чего тупая девица. Да плевать! Депортация — значит депортация. В первый раз летели через Москву. Из сопровождающих Митра и серб Миленко. Москва оглушила многолюдством, обилием самолетов, толчеей и энергией.

В окошко паспортного контроля Миленко протянул сопроводительный документ о депортации и мое свидетельство о рождении.

— Паспорт имеется? — строго спросила служащая.

— Нет, — вежливо ответил Миленко.

«Как это нет? Они что, документы не взяли?» — молнией пронеслось в голове.

— Есть, есть, — почти крикнула я, выхватив из своего пластикового кулька полную, сшитую и заверенную копию своего советского паспорта. Как хорошо говорить и понимать на своем родном языке!

Служащая полистала копию.

— Нет, позвольте! — она вышла из будки и пошла к телефону куда-то звонить.

С места, где мы стояли, хорошо было видно, как она с кем-то разговаривала, одновременно читая с копии наиболее интересные места. Но на том конце провода, вероятно, решили так: раз они летят транзитом в Азию, ну и пусть себе летят с миром и там разбираются. «Баба с возу — кобыле легче». Пропустить!

Обилием света и стекла запомнился аэропорт Шереметьево-2. Народ летел в Токио, Манилу, Ванкувер и другие интересные места. В одном из магазинов Митра хотела что-то купить.

— Купим на обратном пути, — говорю я ей.

— Нет. Ты останешься там, — попытался охладить мой энтузиазм Миленко.

— Ну, это как сказать, — я делаю равнодушное лицо и лениво добавляю, идя между стеллажами с товарами. — Ты бы мне лучше обратный билет заказывал. Не теряй время.

— Нет! Ты останешься там! — кипит Миленко.

Внутри все холодеет. А вдруг его слова окажутся пророческими... но показывать свой страх и панику никак нельзя, и я бодро с огоньком и задором отвечаю:

— Посмотрим.

Прилетев в Астану, сдав мое свидетельство о рождении паспортному контролю и весело, можно сказать, радостно пожелав мне счастливо оставаться, мои сопровождающие резво пересекли границу и направились было в глубь страны, но... им предложили оставить паспорта на контроле, погулять и вернуться сюда, в зал прилета. Какое счастье, что я оказалась достаточно прозорливой и сняла копии с основных документов. Эти копии я сдала паспортному контролю.

Вдруг в приграничной полосе аэропорта наступила оглушительная тишина. Все куда-то испарились. Галдящие пассажиры рейса прошли контроль и исчезли, служба, видно, пошла отдыхать, остались я да молодой паренек в форме. Не находя себе места, я металась по залу туда-сюда. Сердце колотилось, во рту было сухо. Вспомнила последний приезд сына ко мне в тюрьму. Как сотрясалась его спина от рыданий, когда он после посещения сидел на остановке, согнувшись по-стариковски, а я смотрела на него из окна, и сердце мое разрывалось от боли и отчаяния.

Слезы из моих глаз покатались, как Ниагарский водопад. Давно разучившись плакать, я неловко утирала их кулаками и закусывала трясущиеся губы, а они, сволочи, все равно уезжали куда-то вбок и никак не хотели находиться на привычном, им подобающем месте.

Кое-как успокоившись, я принялась трясти парнишку:

— Где у вас тут можно покурить?

В то время когда мы обсуждали столь животрепещущую тему: можно ли удалиться для этой цели в туалет, появились Миленко с Митрой. Возвращались они не столь резво, как убежали; Митра, опустив глаза долу, ну а Миленко — этому все «Божья роса». Из одной двери, которую я сразу и не заметила, вышли высоченный красавец полковник и еще какие-то представительные люди в форме. Подозвав к себе подданных шведского королевства, полковник отчеканил:

— Предоставленное вами свидетельство о рождении не является документом для возврата человека в страну. Ульбинская Татьяна Алексеевна гражданкой республики не является. Сейчас вы повезете ее обратно. Заказывайте билет. Акт об обратной депортации будет оформлен и вручен вам.

Браво! Браво, полковник! Нате выкусите! Я ликовала в душе, не веря своему счастью.

— Но это не есть можно, — завякал было брат-славянин, — у нее нет документа.

— Это у вас надо спросить, почему у нее нет «документа», — отрезал полковник. — Как привезли, так и повезете. Все ясно?

Миленко закивал. Девочка с паспортного контроля переводила разговор на английский для Митры. Серб, коверкая русские слова, промямлил, что они всем довольны и претензий у них нет.

От полноты чувств я бы и целоваться полезла, да побоялась быть неправильно понятой.

Шведских подданных и меня проводили куда-то наверх, в зал вылета для иностранных граждан. Обессиленная от переживаний, я плюхнулась в кресло и сидела балда балдой. Я чувствовала, что мое «родное до гвоздика» давление сжимало меня, давило

во всех направлениях и никак не хотело снижаться. Таблетки, которые мне насыпали в конвертик в тюрьме, кончились еще в самолете.

«А ну вниз, — приказала я своему давлению. — Вниз! Кому сказано! И не высываться за пределы. Некогда хворать!»

Потом уговаривала сердце не шалить и голову не трещать.

Помещение, в котором нас разместили, представляло собой обширную комнату, по-видимому, это был бар. В углу располагалась стойка с высокими крутящимися стульями, середину занимали низкие столики с удобными креслами и диванчиками вокруг. Все по высшему разряду. Стена, выходящая на коридор, была полностью стеклянная. Миленко стал звонить по телефону, докладывать обстановку на текущий момент и заказывать мне обратный билет. Митра стала писать объяснительную. Никто меня в детали не посвящал, но путем визуального наблюдения я сделала вывод, что «шведы» допустили серьезные нарушения со своей стороны. Скорее всего, у них не было виз, а так хотелось купить дешевых сигарет, поэтому они и ломанули внутрь страны. Скосив глаза, я увидела, как Митра, сопя от усердия, выводит каракули, а строчки на листе уплывают вниз.

«Засранка, — окрестила я ее, — сначала бы сама писать научилась толком».

Едва ступив в здание аэропорта, она принялась насмехаться над всем, что видела. Все ей было не так и не эдак.

— Вы есть хотите? — надо мной склонилась приятной внешности женщина в служебной форме.

— Нет, — помотала я головой.

— А пить?

— Да, — пить хотелось давно и безнадежно.

Через некоторое время она вернулась и поставила передо мной большую бутылку минеральной воды. Я сдержанно поблагодарила, подумав при этом: «Дай Бог тебе всего хорошего, милая. Счастья, здоровья тебе и твоим деткам». Женщина заговорила со «шведами» по-английски. Я уловила слово «копи». Забрала у них паспорта. Ага! Снимают копии с паспортов. Вот так вот, арийцы, тут вам не здесь, никто перед вами лебезить не собирается, а будете отвечать по закону на общих основаниях, что вполне демократично.

Увидев на соседнем столике толстый журнал, я взяла его полистать. Журнал был о Казахстане и его столице Астане. Боже мой! И это Астана? То бишь бывший Целиноград? Фотографии впечатляли. Строился большой, современный город. Совершенная фантастика. Всего за десять лет возвести такое... Помнится, лет тридцать с лишним назад мне довелось побывать в Целинограде. То была забубенная, заскорузлая деревня. А сейчас... ну и дела. Да, Казахстан уже не тот. Самодостаточная страна с развитым чувством собственного достоинства и плевать в свою сторону никому не позволит. И это радовало! Интересно, а почему о Казахстане никогда не показывают на Западе? Полный игнор. А нет, вру. Показывали один раз о природе и сайгаках.

В бар вошли двое в форме и уселись у стойки на высокие табуреты. Через пару минут к ним присоединился тот высокий полковник и сел ко мне лицом. Они о чем-то весело болтали, покуривая и попивая кофе. Я могла бы встать, пройти эти двадцать метров, пожать ему руку, сказать теплые слова от чистого сердца, но чувствовала, что этого делать нельзя, что это аукнется мне (что, впрочем, и произошло впоследствии). Вернувшись в Швецию, иранка с сербом обвинили меня в сотрудничестве с казахстанскими властями). Дождавшись момента, когда глаза полковника остановятся на моем лице, я тихо прошелестела одними губами: «Спасибо».

Обратно летели через Франкфурт. Рейс был дневной. И наверное, поэтому летело много мамаш с детьми. Во всяком случае, в том месте, где сидела я, их было особенно

много. И сбоку, и спереди, и сзади сидели русские немки с детьми всех возрастов. После набора высоты, когда моторы загудели ровно и успокаивающе, маленькие детки, как водится, уснули, а постарше носились в проходе самолета. Я сидела одна, вольготно расположившись на двух креслах. Подданные шведской короны сидели в другом месте, чему я была несказанно рада, поскольку их рожи меня изрядно утомили.

Уткнувшись в окно, я думала: «Господи! Красота-то какая. Как красива наша Земля, и чего, спрашивается, людям неймется? Живи, наслаждайся. Так ведь нет! Воюют, грызут друг друга, занимаются всяким паскудством. Хоть бы раз Создатель протянул сверху свою длань и погрозил пальцем: „Ужо я вам, людишки... не шалите!“ Может, тогда бы присмирели и попритихли». За иллюминатором расстилался дивной красоты вид: облака одинаковыми кружевными сугробами висели над разноцветной Землей, оставляя на ее поверхности темные лепешки. Или слоились в три этажа, как огромный воздушный пирог. И все это в розово-зеленых красках.

Где-то там, в небесах, летает душа моей бедной, непутевой матери, которая умерла два года назад. Умерла одна. От кровоизлияния. Раз — и готово. Легкая смерть. На ум пришли строчки:

Легкой жизни я, дурак, просил у Бога,
Легкой смерти надо было бы просить.

В свое время она, наряду с другими товарищами, внесла свой посильный вклад в то, чтобы я со своим малолетним тогда сыном оказалась как можно дальше. За границей. Да чего уж там, ладно... Я их всех давно простила. В канун смерти моей матери ко мне на балкон прилетели две сороки и сидели на поручне, кося глазами на меня, сидящую на диване в комнате. Был июнь. Тепло. Одурающе пахло сиренью. Балконная дверь была открыта настежь. Я еще подумала: «Сороки! Какие же вы мне новости принесли?» Да вот. Принесли. Дня через два звонят с нехорошей новостью, попросив предварительно сесть на стул. Ничего, мамочка, я обязательно приеду на твою могилу поплакать. Вот только справлюсь с проклятыми «гуманистами-демократами-общечеловеками», а проще говоря, с западным зверьем в человеческом обличье.

Я поднялась и пошла по проходу в туалет. Проходя мимо сопровождающих меня в турне «шведов», я увидела на коленях у Миленко все мои документы: копию моего советского паспорта, ответы из посольства об отсутствии у меня гражданства и еще кучу всяких важных бумажек. Они с Митрой оживленно беседовали и не успели их убрать, потому как меня не видели, я шла со спины. Так, значит, у них все было с собой, и они умышленно не показали документы??? Какая подлость!!! Какие гады! Ублюдки! Я была в шоке.

Во Франкфурте, в полицейской машине, везшей нас с борта самолета в полицейский участок аэропорта, Митра выплеснула на меня досаду, по-видимому, за то, что их фокус не удался. Она орала на меня, годящуюся ей даже не в матери, а скорее в бабушки. Я вяло отбивалась. А когда это мне надоело, сказала просто:

— Да пошла ты...

Перевел ли это ей на шведский Миленко, мне было неважно. Угрозы свои она все же выполнила. Мне потом сказал один хороший человек, что они написали в своем отчете о командировке. Там не было ни слова правды.

После первой депортации меня опять посадили в тюрьму. Вероятно, те, кто принимает в отношении меня решения, постановили, что еще недостаточно меня помучили и я не до конца испила свою чашу.

По прилете в Арланду меня погрузили в машину, на этот раз не полицейскую, а обычную и увезли в Евле во второй депортационный изолятор. Принцип работы и устрой-

ства примерно такль же, как у первого. Женское отделение за внушительной дверью, которое можно пробить только из пушки, мужское население по комнатам, общий холл. Полы в холле покрыты белым линолеумом, потолок тоже белый, отчего создавалось впечатление бесконечности. Компьютеры, аквариум с рыбками — все это имело место быть.

В комнате я проживала одна, пока ко мне не подселили чудесную Яночку. Я заметила эту девушку, когда с ней проводили ознакомительную экскурсию. Показывали, где столовая, где можно постирать бельишко, где можно покурить, где заняться спортом. Коротко стриженная, в берцах и штанах цвета хаки, она с любопытством разглядывала заведение, куда ее занесла судьба. Я ее сразу приняла: мой человек. С ней можно поговорить на любые темы, что-то обсудить, посмеяться. Начитанная, обладающая недюжинным интеллектом, имеющая обо всем свое мнение, она производила впечатление некоей элитарности. Когда ее повели на депортацию, мы с ней обнялись. Я никогда не забуду Яночку, светлого человечка.

И вот мне объявили, что будут депортировать во второй раз. Ночь была беспокойная, и уснуть практически не удалось, если не считать тех коротких моментов забывания, тотчас прерываемых тяжелыми, лохматыми мыслями, которые ворочались в голове, как медведь в берлоге. Будильник, заведенный на четыре утра, тикал медленно, бездушно отрезая у Вечности секунды. Может встать, подумала я, все равно не уснуть. Но перспектива бесконечного беганья в курилку и поглощение литрами кофе не прельщала. Нет, лучше полежу, когда еще доведется, и вообще неизвестно, что меня сегодня ждет. Я старалась загрузить свой мозг всякими посторонними мыслями, сделать их важными на текущий момент, лишь бы не думать о предстоящем дне. Ругмя ругала белые ночи, которые напрочь ломают режим существования, по которому ты жил всю жизнь. Пять лет живу в Швеции, а никак не могу привыкнуть к тому, что днем — это день и ночью тоже день, хоть и пасмурный на вид. Ходишь, пока не свалишься от усталости. Засыпаешь днем и просыпаешься днем, и от этого теряется чувство времени, ибо в три часа ночи можно пойти гулять, а в два часа пополудни беспробудно спать.

Щелкнув, зазвонил будильник.

— Ну, мать, давай. С Богом! — напутствовала я саму себя.

Утопив кнопку рыдающего будильника, я поднялась, быстро заправила кровать, оделась, взяла приготовленную с вечера пластиковую авоську и вышла в коридор женского отделения депортационной тюрьмы Королевства Швеции. Как и каждую ночь, коридор залит ярчайшим светом. Все поставлено на широкую ногу, с размахом, не жалея средств. Не умеют шведы экономить. Кризиса на них нет.

Зайдя в туалет, я глянула на себя в зеркало. Вернее сказать, это было совсем не зеркало, а какой-то зеркальный кусок пластмассы, который невозможно разбить. На меня смотрела тетка за пятьдесят с хвостиком, с седыми отросшими космами, красными глазами и расширенными зрачками, в которых читались страх, ужас, паника.

— Ну-ка возьми себя в руки, — приказала я себе, — спокойное, благодушное лицо. Вот так!.. И безмятежности побольше. Побольше безмятежности! Ну подумаешь — прокатиться на самолете туда-сюда, эка невидаль. Ведь все будет хорошо. Все хорошо...

Такой автопсихотерапией мне приходилось заниматься довольно часто. В любом случае какие бы страсти в твоей душе ни бушевали, показывать это ни в коем случае нельзя. Жизненно опасно. Шведы — народ холодный и бездушный, и все человеческое им чуждо. Они не знают и не понимают, что такое эмоции. Стоит только повысить в запале тон голоса, и вас запросто могут записать в «агрессивные» со всеми вытекающими последствиями. «Агрессивный» — значит социально опасный. Блеклая, серая челове-

ская оболочка, бубнящая на одной ноте что-то себе под нос, всего боящаяся и ни за что не отвечающая, — вот идеал шведа, под который они подгоняют всех.

Нацепив на лицо самую бесстрастную маску и немного приведя себя в порядок, я вышла в общий холл. Контингент изолятора постоянно обновлялся. На место отправленных восвояси поступали новые, как правило, беспаспортные граждане мира. С теми, у кого имелись паспорта, разбирались по-разному: одних отправляли минимум через месяц, других месяца через два-три. От чего это зависело, было непонятно, то ли от шведской неповоротливости, то ли, как поговаривали сведущие люди, миграционная контора была заинтересована в том, чтобы человек находился в тюрьме как можно дольше. Здесь крутились немалые деньги. Были сидельцы со стажем, которые находились здесь по году и больше. Русскоговорящих от общего числа была примерно четверть. Украинцы, молдаване, узбеки и Кавказ имели место быть. А вот из русских была я одна. Россия-матушка уже подзаработать в Европу не ехала, и это было отрадно. Значит, в стране все налаживается, жить становилось легче.

Ступив в общий холл, я обвела глазами пустынное помещение, где, как островок в океане, сидела группа людей, играющих в карты. Среди мелких арабов пожарной каланчой возвышалась Карин, долговязая шведка и начальник дежурной смены. Обычно, придя на работу к восьми часам вечера, в одиннадцать она уже сидела за столом и резалась до утра в карты. Какого возраста Карин, сказать было трудно. Позагорать любила девушка (или бабушка). Кожа была коричневой, но дряблой и тусклой, а лицо морщинистым. Как и все шведы, внешне она была приветливой и улыбочивой, но приветливости этой грош цена в базарный день, поскольку глубоко в зрачках отчетливо просматривались пистолетные дула, наведенные аккуратно на ваш лоб.

Рядом с Карин сидел рыхлый, с большими черными кругами под глазами русский армянин со странным для армянина именем Ричард. Больше года он работал в системе миграционного ведомства и шесть лет жил в Швеции. Меня всегда поражали вот эти самые «бывшие». Желание выслужиться, заискивание, желание, чтобы шведы их приняли за «своих», вызывало омерзение до рвоты. В Стокгольме существовала некая Наташа Карлсон, с Украины родом, которая особо рьяно исполняла свои обязанности, отправляя пачками своих же соотечественников обратно на родину. Прожив много-много лет на Западе и насмотревшись всего и всякого, я только здесь поняла, почему в войну, освобождая оккупированные фашистами территории, русские первым делом вешали полицаяв из местного населения. Потому что сотрудничать с кем-либо против собственного народа нельзя. Это безнравственно, аморально, непорядочно, а проще говоря, не по-людски. И никогда они не станут для шведов «своими», даже их дети навряд ли.

Нацедив из автомата в пластиковый стакан кофе с молоком и разбавив его водой, чтобы убрать лишний градус крепости, я подошла к аквариуму, в котором во взвешенном состоянии, едва шевеля хвостами, не плавали, а стояли рыбки. Наверное, спали.

«Ну, девчонки, кончилась ваша кучерявая жизнь», — мысленно обратилась я к ним.

Как-то напросившись у вертухаев покормить рыбок, я от души нагребла рыбьего корма в заранее приготовленный кулек и каждый день их подкармливала. Приятно было видеть, какой ажиотаж происходил в аквариуме, когда я направлялась к нему. Рыбки проявляли дикую активность, вода бурлила и клокотала, и было радостно на душе оттого, что тебе кто-то рад, что ты кому-то нужен. Вот и скажи после этого, что у мелких Божьих тварюшек нет мозгов. Клевета! В аквариуме текла своя бурная рыбья жизнь. Ссорились, мирились, совсем как у людей. А где та фиолетовая скандалистка? Вон она, у камушка сны досматривает. Сколько раз я ей обещала применить радикальные меры — выловить и зажарить, гоняет весь аквариум во время кормления. Ну нельзя же быть такой жадной и эгоистичной.

«Будут вас шведы кормить согласно Женевской конвенции. Извините, коли что не так было. Прощевайте, дорогие». Закончив свой монолог, я направилась в курилку. Тюремные охранники работали сменами, то есть одной командой. Все отвечали за все, а по сути, никто и ни за что. Основная их работа заключалась в том, чтобы фиксировать, кто и что говорит, и заносить сказанное в компьютер. Зачем это надо было шведам, одному Богу известно, но смешно было смотреть, как после очередной неформальной беседы с кем-нибудь из персонала ты видишь, как он или она со всех ног несется в контору записывать, так сказать, по горячим следам. Иногда я из хулиганских побуждений откровенно провоцировала их. Со слабым знанием шведского языка, но при активном участии собственных рук и даже ног самым невинным голоском я спрашивала:

— А если Швецию затопит, — разговор шел о глобальном потеплении, — куда вы поедете? В Россию?

Перэрик, пожилой и сухой швед, явный нацист, что-то бормотал под нос в ответ.

— Я желаю, чтобы русские поступали с вами так же, как вы со мной.

И он срывался сломя голову в контору.

Однажды я беседовала «по душам» с дамой, приятной во всех отношениях, и ввела ее в состояние столбняка, заявив, что Нобелевской премии, которой они так гордятся, им было бы не видать как собственных ушей, если бы не Россия. Поскольку разорившемуся подчистую в Швеции и переехавшему в Санкт-Петербург папе-Нобелю царское правительство дало кредит. И что было бы со мной, нищей русской, возникни в моей голове шальная мысль попросить кредит у шведского короля. Меня бы сразу размазали или постепенно?

Огульно записывать всех вертухаев в «плохие нацики» было бы несправедливо. Среди них тоже были «человеки», но их было до обидного мало.

В маленькой комнатухе, квадратов на шесть, стояли несколько стульев в черных пятнах от затушенных о них бычков, емкость для мусора, битком набитая пластиковыми стаканчиками из-под кофе. На потолке шуршал мощный вытяжной вентилятор. Одно окно с небьющимися стеклами выходило на «волю», другое, большое, панорамное, в общий холл, из которого хорошо просматривалось, кто находится в данный момент в курилке. Это облегчало работу при подсчете поголовья, которое проводилось несколько раз в день, а также ночью, когда вертухаи шастали по комнатам, усердно колотя дверями.

Стоя у панорамного окна, я увидела, как открылась дверь и на другом конце холла выросла белоголовая Пирита Линдгрэн, моя мучительница и полицайка в сопровождении лысого коротышки, которого я раньше не видела. Приходя ко мне на допрос, она начинала с вопроса, который мне задавали в Швеции сто раз, который навяз в зубах, от которого я не знаю, что делать, то ли плакать, то ли смеяться:

— Куда вас высылать?

— В Советский Союз, — отвечаю.

— Но он не существует, — Пирита вертит ручку в пальцах.

— Так восстановите. Делов-то.

Много лет мой серпастый, молоткастый лежит у них в моем деле. Ответы из посольств об отсутствии гражданства как России, так и Казахстана у них тоже есть и тоже лежат много лет. Имея все эти документы, они все же выносят решение депортировать меня в «hemland eller Ryssland» — на родину или в Россию. Четыре года мне мотали нервы, а на пятый год взялись круто и для начала упекли в депортационную тюрьму. Что им от меня надо? Непонятно. Разговаривая с представителями шведской власти, можно было, конечно, прикинуться полной дебилкой: отвечая невпопад, хло-

пать удивленными глазами почаще и, открыв рот, утирать вытекающую слюну, таких ущербных они любят. Или рыдать. Вкусно, со вкусом, с подвываниями и причитаниями. Знаю таких артисток. Да характер не позволял. Хрен вам! Не дождетесь!

Достав из худенькой пластиковой папочки мое свидетельство о рождении, Пирита вновь подступалась ко мне:

— Вы родились в Казахстане.

— Я родилась в Казахской Советской Социалистической Республике.

— Это одно и то же, — небрежно бросает Пирита.

— Это для вас одно и то же. А для всего честного мира это две огромные разницы: независимая Республика Казахстан и Казахская ССР. Вы меня уже в Казахстан один раз депортировали в мае. И что? — вопрошаю. — Привезли обратно. Спасибо, что свозили, я хоть сигарет купила. Они там дешевые. Правда, далеко в Казахстан за сигаретами мотаться. Может, в Россию для разнообразия сгоняем?

Слышу, переводчица в телефоне прыскает со смеху. Недели через две после последнего подобного разговора я получаю уведомление об очередной высылке.

И вот стоя в курилке, я услышала свой внутренний голос, который грозно рявкнул: «Да не трясись ты!» И запел «Варяга»:

Наверх вы, товарищи, все по местам!

Последний парад наступает...

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,

Пощады никто не желает!

Я благодарна своему внутреннему голосу, так как в трудные минуты он меня всегда вдохновлял, зовя на подвиги и другие выдающиеся дела.

Решительно открыв дверь, я шагнула в холл, направляясь к Пирите. Вспомнилось, как, встретившись с ней впервые, я отметила, что никаких выпуклостей и вогнутостей в ее фигуре не наблюдалось. Доска. «Отчего так?» — размышляла я.

— Оттого, что она в бронежилете да еще с пистолетом под курткой, — пояснили мне сидельцы.

Как интересно! Прямо как в кино. И это с чем же я могла на нее кинуться, допустим? С пластиковым ножом, что ли, который выдают в обед? Совсем рехнулись со своей безопасностью. Мало того, что при допросах всегда присутствует какой-нибудь хряк, молчаливо сидящий в уголке и готовый по команде «Фас!» броситься на человека, так сама Пиритка вооружена до зубов и даже в бронежилете.

— Хей! (Привет!) — поздоровалась Пирита.

Хейкнув в ответ, я разглядела, что она вроде как построинела и скудные выпуклости на месте. Лысый коротышка представился — переводчик с русского, зовут Рольф. Начальница смены Карин передала в руки Пириты запечатанный коричневый конверт, в котором, это я хорошо знала, находилось мое свидетельство о рождении. Другой конверт, поменьше, предназначался мне. Там были таблетки для гипертоников.

В комнате на выходе из тюрьмы меня пропустили через металлоискатель. Пластиковую авоську, внутри которой был альбом с фотографиями моего сына, который учился в Упсале и с которым меня воссоединить не захотели, просветили. Все. С формальностями покончено. Сразу у порога стоял микроавтобус, в котором сидел помимо шофера еще один полицейский в штатском. Куда-то ехали. Потом автобус зарулил в какое-то место, огороженное забором. Кого-то ждали. Наконец к нашей компании присоединилась дама-полицайка с большим чемоданом на колесах. Судя по тому, как чемодан вихлял из стороны в сторону, было понятно, что он пуст. Его набьют под завязку

на обратном пути в магазине дьюти-фри спиртными и табачными изделиями, поскольку именно эта группа товаров имела в Швеции просто астрономическую стоимость. А выпить шведы были далеко не дураки. Куда там русским! Потом опять куда-то ехали и снова долго стояли. Наконец прибыли в Арланду (аэропорт Стокгольма). Автобус подъезжает к трапу самолета, и нас запускают первыми. Сели так: я с переводчиком в середине, полицаи по бокам. Пирита Линдгрэн сидела где-то в другом месте. Самолет вырулил на взлетную полосу, разбежался и взмыл вверх. Летим в Алма-Ату с посадкой в Астане.

Переводчик Рольф спал или делал вид, что спал. Полицай, сидящий по другую руку от меня, затолкал в ухо микрофон, обложился какими-то малопонятными для меня бумажками и имел весьма деловой и респектабельный вид. Из сетки, располагающейся в спинке предыдущего кресла, я выудила толстый журнал с красивыми картинками и стала его лениво перелистывать, активно изображая спокойствие. Да куда там! Страницы прыгали, выдавая меня с головой. Время тянулось непростительно медленно.

Наконец самолет пошел на посадку. Благополучно сели. Подходя к выходу, я увидела молодого человека в форме и фуражке с высокой кокардой — ну, это явно по мою душу. Наша «веселая и говорливая» компания в сопровождении служащего международного аэропорта Алматы двинулась в зал прилета на паспортный контроль. Часы показывали двенадцать ночи. Белоголовая Пирита Линдгрэн вместе с переводчиком подошла к ближайшему окошку и заговорила с девушкой, сидящей за стеклом. Полумертвая от страха и неизвестности, я все-таки сообразила, что нужно быть начеку, реагировать на события молниеносно и для этого собраться в кучку. Мой внутренний голос рявкнул: «Внимание! Рот не разевай!» К будке подошла женщина, видать, старшая по смене. Они опять о чем-то поговорили и направились мимо меня. Вдруг старшая по смене вытянула свою правую руку, указывая путь, и — одно мгновение — я выхватила из своей авоськи с фотоальбомом тоненькую пластиковую папочку с копиями документов и вложила ей в руку. Полицаи, стоявшие по обе стороны от меня, даже не поняли, что произошло. Миновав то место, где стояла я, процессия из трех человек удалась в комнату здесь же, в зале прилета, и закрыла за собой дверь. Нет. Так не пойдет! Разговор идет обо мне и без меня??? Я решительно направилась вслед, но стоящие со мной полицаи преградили мне дорогу. Переговоры были недолгие, каких-то десять-пятнадцать минут. И все это время меня цепко держали. Первой выплыла Пирита Линдгрэн, за ней выкатился переводчик. Держащие меня полицаи немедленно меня отпустили. Я рухнула на ближайший стул, которые стояли рядами, как в кинотеатре.

— Хей до! (Пока) — друг за другом ласково пропели полицаи Королевства Швеции и стали подниматься по лестнице, ведущей куда-то вверх.

Все. Рельсы кончились. Поезд дальше не идет. Зал опустел. Я осталась одна. Тоска-а. Внутри у меня что-то тонко, заунывно и протяжно выло. Наверное, душа. Издалека я увидела ту девушку, которая вела переговоры.

— Девушка, а что со мной?! — хриплым голосом громко спросила я.

— Ждите утра. Придет начальство, будут разбираться, — подходя ко мне, сказала она.

— А эти где? — имея в виду конвой, спросила я.

— Обратно улетают. В три ночи. Они уже в зале вылета, — охотно отозвалась она.

— А, извините, какие документы они вам представили? — совсем не надеясь на ответ, спросила я.

— Ваше свидетельство о рождении.

Потянулась длинная и самая важная ночь в моей жизни. Аэропорт жил своей жизнью: прилетали самолеты, зал то заполнялся народом, то пустел. А я жила сама по себе. Мысли лезли в голову нехорошие. Я представила себя в образе тронувшейся умом

и, вероятно, спившейся от горя, одетой в лохмотья, питающейся подаванием старухи, которой суждено до конца своих дней жить в аэропорту. Идти некуда и не к кому. От этих мыслей пробивал холодный пот, а сердце билось, как птица в силке, готовое вот-вот вырваться наружу. Долго я не протяну, рассуждала я, умру от тоски по сыну... Долго ли, коротко ли, но дело шло к утру. Семь часов. Восемь. Девять.

— Ну что, Татьяна Алексеевна, делать будем? — возле меня вырос человек в майорских погонах.

Я говорила пламенно и сбивчиво. Мысли путались, то разбегаясь в разные стороны, то переплетаясь, то наезжая друг на друга. За двадцать минут я выложила ему всю свою жизнь.

— Сын у меня там. Один. Больше никого нет.

Он внимательно слушал, потом сказал:

— Вот все соберутся, потом будем принимать решение. Все ваши документы у нас. Ждите.

Опять потянулось безразмерное время. Кучка окурков в туалете безудержно росла. Выходя в очередной раз из туалета и проходя мимо одной из служащих на паспортном контроле, я услышала:

— Вечером вас будут отправлять обратно.

Через короткое время ко мне подошел майор и официально объявил:

— Решение по вашему делу принято. В одиннадцать вечера, то есть ближайшим рейсом, вы летите во Франкфурт и дальше на Арланду.

Уф-ф-ф! Я взяла его руку в свои горячие, как печка, ладони и сказала: «Спасибо!»

До вылета оставалась еще куча времени, и меня провели в ту же комнату, где вела переговоры Пирита Линдгрэн. Какое чудо! Есть диванчик. Я легла, вытянув свои измученные и отекавшие, как тумбы, ноги. Закрывшись локтем от слепящего света ламп, я попыталась отключиться от всего, выбросить мысли из головы, набить ее мякиной или опилками. Получалось плохо.

Замерзнув в одной точке, время наконец оттаяло, когда дверь открылась и на пороге появилась светлая девушка и тоже в форме.

— Пойдемте со мной. Через полчаса ваш вылет.

Подхватив свой багаж в виде пластиковой авоськи, я вышла за ней в зал прилета, и по той же крутой лестнице, по которой ушли полицаи, мы поднялись наверх, в зал вылета.

— В кино ходить не надо, — на ходу говорила девушка, — жизнь куда круче. Аэропорт гудит по вашему случаю. Ну, такого у нас сроду не бывало. Хоть книгу пиши. А за что они вас так? Гоняют туда-сюда?

— Они сволочи, — только и ответила я. — Без души, без совести, без мозгов. Зомби.

Проходя по залу, я увидела изумленные глаза двух немок-стюардесс, обслуживающих вчерашний рейс, которым я летела. Они меня узнали.

— Стюарты вчерашние, — кивком показала я на них.

— Вы бы видели, как возмущался действиями шведов командир экипажа. Он так орал, грозился на них жалобу написать.

Как водится, меня сдали с рук на руки. Запечатанный конверт отдали стюардессам. Первую впустили в самолет и провели в самый хвост, где находились места для обслуживающего рейс персонала. Удобно расположившись в уютном уголке, я мысленно обратилась к сыну: «Сынок, твоя бедная мать летит обратно. Скоро встретимся. Не скучай. И не пей». До Франкфурта лететь долго. За окном непроглядная ночь. От нечего делать я стала сочинять свою будущую книгу, проигрывая в мозгу все важные события, которые случились со мной за этот год. Как же ее назвать? Название должно быть коротким и хлестким.

По проходу повезли тележку с напитками. «А не хлопнуть ли мне рюмашку?» Да, конечно же, хлопнуть! Стюра набулькала мне стандартную норму в пластиковый стаканчик. Могла бы и побольше. Повернувшись к своему собственному отражению в иллюминаторе, я чокнулась сама с собой. «Ну, мать, давай! За всех хороших людей! А враги пусть сдохнут. Аминь!» Хороша, родимая. «Русские после первой не закусывают», — сказал классик. Будем поддерживать традицию.

Внизу миллионами огней раскинулся Франкфурт. Самолет летел низко, и можно было рассмотреть длинные нити автобанов, по которым гуськом двигались игрушечные машинки. В одну сторону машины ехали с желтыми огоньками, в другую с красными. Дело шло к утру, брезжил рассвет.

Меня и конверт встречали двое: немецкий полицай и какая-то мадам в цивильном, как выяснилось позже, переводчица. Пока мы шли по огромному аэропорту в полицейский участок, она успела меня вывести из себя своей редкой бестолковостью и дурацкими вопросами. Никуда не годится разговаривать на ходу на столь серьезные темы. Что? Как? Да почему? Несмотря на столь ранний час, народу в аэропорту было видимо-невидимо. Все куда-то летят. Полицай, как ледокол во льдах, прокладывает нам дорогу. В полицейском участке была неразбериха. Толкались какие-то молодые люди наркоманского вида, что-то у них было с документами не в порядке, деваха с собачкой, лопотавшая по-английски, и еще какие-то темные личности. Я опустила на лавку, стоящую вдоль стены.

— Мы сначала должны позвонить в Швецию. А если шведы вас не примут, то останетесь здесь, — сказал мне пожилой полицай и был, вероятно, очень удивлен, обнаружив, что речь его я поняла, кивнув в ответ.

«Еще чего не хватало», — уныло подумала я.

Не знаю, что было написано в моих глазах, когда один из полицаев протянул мне круассан.

— Данке шён, — поблагодарила я.

Круассан был объемный и румяный на вид. А есть нечего. Он каким-то волшебным образом растворялся во рту. «Такой же лживый, как ваша демократия и общечеловеческие ценности, — думала я. — Вроде бы есть, а на самом-то деле и нет. Все вы лживые, и ваши ценности и ваши круассаны — видимость одна. Фикция. Империя лжи. По мне бы ломоть ржаного хлеба, да присыпанного сверху крупной солью — это было бы надежней, сытней и правдивей». Мне захотелось встать и ткнуть пальцем в пивное брюхо угостившего меня полицаия, действительно поблагодарить, так сказать, и заодно проверить на предмет виртуальности. Этот-то хоть настоящий, али как?

Швеция «дала добро». Ну еще бы! Попробовали бы они только отказаться меня принимать. Немцы бы их растерли в порошок.

В Арланде меня и конверт встречали два представителя миграционного ведомства. Но впоследствии оказалось, что ничего этого не было. Миграционное ведомство «думает», что я приехала в Швецию сама: купила билет, поставила себе в несуществующий паспорт визу и прикатила. Конверт с актом об обратной депортации благополучно исчез, и его никто не мог найти. Такой поворот событий был потом, а пока...

Пока я томила в миграционном отделении шведского аэропорта Арланда. Тут песня долгая. Эх, Швеция, когда же ты проснешься наконец? Никого. Тихо, как в гробу.

«Господи, — думала я, — не дай бог, чихну. Разбужу их всех. В обморок попадают, чего доброго. Они же такие нежные. Все им стресс мерещится. В колхоз бы вас всех загнать, от стресса лечиться. В Сибирь... к коровкам! Таки нет. Вымрут на второй день».

В миграционном отделении я вела себя плохо. Сказывалась усталость, давление. В ушах грохотало, перед глазами все плыло. Ну хоть какая-нибудь бы падла появи-

лась! Подойдя к одной из дверей, за которой слышались голоса, я стала стучать. Сначала интеллигентно, ручкой, потом совершенно некультурно, ножкой. Вышла баскетбольного роста девка и сверху вниз удивленно рассматривала нахалку в моем лице, осмелившуюся приблизиться к священной двери.

— Ты можешь работать побыстрее? — начала я речь на своем никаком шведском. Слово за слово, и моя речь кончилась тем, что я обозвала девку «идiotкой», за что она одарила меня зверским взглядом. Но мне было все равно. Скорей бы в тюрьму, лечь, вытянуться во весь рост и уснуть.

Через некоторое время открывается дверь, и заходят шведские полицаи.

— О! За мной, — обрадовалась было я. — Щас с ветерком поедем.

Ан нет. За каким-то молодым человеком, кавказско-югославской внешности. Наконец распахивается дверь, из недр выкатывается вышеупомянутая деваха и протягивает мне билет на одну поездку.

— Пойдем со мной, — она вывела меня в коридор к лифту. — Сейчас спустишься на первый этаж, там будет остановка, сядешь в автобус и поедешь в Мешту.

И только на автобусной остановке я осознала, что я на свободе. Боже мой! Какое красивое, какое емкое, какое замечательное слово «СВОБОДА». Светит ласковое, осеннее уже солнышко. Никакого тебе конвоя, никаких вертухаев, никаких заборов, ограждений и пуленепробиваемых стекол. Ура!

Мешта — перевалочная база для всех иностранцев, прибывающих в страну. Грязное и довольно убогое место, где сразу дают понять: чего приперлись в страну, вас здесь никто не ждет. Кое-как проделав все формальности и получив код от комнаты, я трупом рухнула на постель. До утра.

Утром первым делом я пошла в рецепцию. За стеклом был черный.

— А как мне добраться до Упсалы? — спросила я его.

— Как хочешь, — был ответ.

— У меня нет денег на билет.

— Это твои проблемы. Билетами мы не обеспечиваем. Не положено.

Вот те раз! А как же мне добираться? Пешком, что ли? Интересно. На меня за этот год шведская власть угрожала три четверти миллиона крон, а теперь у них не находится пятидесяти крон, чтобы мне добраться к сыну. Швеция — страна контрастов. Что будем делать? Если пешком, то знать бы, в какую сторону. Надо идти к начальству.

Удрученная, я шла по коридору, мысленно готовясь к очередной схватке с тутошним начальством и подбирая подходящие слова из моего небольшого арсенала, пока меня кто-то не тронул за руку. Оборачиваюсь. Батюшки! Эдуардо Кастро. Старинный приятель, женатый на русской и хорошо знающий моего сына. Я обрадовалась ему, как родному. Как странно видеть в этом волчьем логове, коим является миграционное ведомство, человека. После бурных рассказов о житье-бытье выяснилось, что Эдуардо живет в предместье Упсалы и вечером я поеду с ним. Он мне дал телефон, по которому я поговорила со своим потерявшим меня сыном. Я не знала, как убить день. Слонялась туда-сюда. Наконец поехали. Быстрее! Еще быстрее! Гони, Эдуардо! Гони, милый!

На огромной (по шведским меркам) скорости машина ворвалась в первую столицу Швеции. Повороты, повороты, улицы, площади, светофоры... Все. Стоп! У обочины дороги стоит и улыбается мой сын.

Идти до жилища было недалеко. Он снимал комнату у одного черного чувачка Майкла. Это была квартира с двумя входами (такие в Швеции бывают). Комнатка микроскопическая, в девять квадратных метров, но удивляться у меня не было сил, я только спросила: «А где кухня?» Кухни не было. В прихожей на столике стояла пли-

та с двумя конфорками и духовкой. Душ с туалетом совмещенный. Условия спартанские, но выбора не было. Первым делом я потребовала вина, и как можно больше. Надо было отмыть душу, рассказать все сыну и начать убивать память. Но странное дело, вино меня не брало. Голова не кружилась, туман не обволакивал.

— Все, все, мамочка. Все закончилось. Они тебя два раза отправляли, не получилось. Сейчас будет полегче. И тебе наконец выдадут документы. У них есть закон, если человека невозможно выслать из страны, то ему выдается постоянный вид на жительство.

Кабы знать тогда, что будет дальше.

На следующий день мы пошли в центр: надо было купить продукты. Идти неблизко. Я с удовольствием отметила, что город Упсала живой. Активно бегают автобусы, активно бегают автомобили, а поскольку город университетский, то очень много молодежи, которая и составляет основной костяк велосипедного движения. Велосипед — самое дешевое средство передвижения, и для нищих студентов это оптимальный вариант. Богатеньких студентов, которым учебу оплачивают родители, мало, в основном учатся в кредит.

Очень много туристов. Япончики со своей дивной аппаратурой, китайчики, русские, французы и прочие немцы — все приехали любоваться на упсальский кафедральный собор с двумя шпилями. Это визитная карточка, как Эйфелева башня в Париже. А полюбоваться есть чем. Филигранная архитектура, цветные витражи — поверить трудно, что вся эта красота была построена восемьсот лет назад. Да. Умели строить.

В шаговой доступности от собора на холме находится замок довольно скромного вида, где в свое время отрёклась от Швеции королева Кристина. Есть дорога, называемая Дорога королевы Кристины, по которой она шла в день отречения. После этой процедуры она набила обоз ценностями и уехала, как простая гражданка, в Италию «веселиться и менять любовников».

Здесь жил и работал всемирно известный ученый Карл Линней. Отсюда ушел в свою последнюю экспедицию на Северный полюс единственный швед в команде Нобиле Финн Мальмгрен, он учился в здешнем университете. Судьба у этого человека незавидная. Страшная.

Поскольку я большая сволочь, ухитрившаяся в день прилета в Арланду поругаться с сотрудником миграционного ведомства, он мне жестоко за это отомстил. Я не могу молчать, видя творящийся беспредел, и не могу терпеть, когда ко мне относятся, как к безмолвному и бесправному скоту. Этот дурак куда-то дел важный документ, на основании которого меня отправили обратно. То ли он его разорвал, может, съел, но его впоследствии найти не могли. Шведы вынесли вердикт, что я приехала сама, и попробуй доказать, что ты не верблюд. Вытащила откуда-то несуществующий паспорт, вклеила визу, купила билет и приехала. Да вы, ребята, с головкой дружите? Чуть собачья. Кроме этого, меня лишили того грошового пособия, которое положено по закону.

Жить в камерке двум взрослым — задача непростая. А как жили люди в коммуналах? — успокаиваю я себя, когда «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная». А у нас вон, пожалуйста, в любое время дня и ночи. Правда, умывальник приходилось использовать не по назначению, я в нем мыла посуду. Поэтому чистить его приходилось по десять раз в день. Унитаз тоже приспособила. На крышку ставила разделочную доску и крошила овощи, резала мясо.

Я с удовольствием смотрела тяжелые фильмы о войне, о лагерях, о страданиях человеческих. Смотри, говорила я себе, им еще хуже было, и это действовало ободряюще. Одно до меня никак не доходило: как в наше время во вроде бы благополучной стране так мучаются люди? Кто это допускает? И почему? Неужели все, что со мной происходит, только потому, что я русская? Ответа нет.

Получила письмо. Мне надо явиться в Вестерос, в отдел по высылке нежелательных лиц. О'кей. Явилась. Меня встретила дама нехилой комплекции, в возрасте, латиноамериканского происхождения. Усадив меня в кабинете, она вышла. Возвращается, неся охапкой мое дело. Грохнула его на стол. И давай орать. Тут надо отметить. Какие бы ни были шведы двуликие, коварные и нечестные, но хамства нет. Они будут разговаривать спокойно, с улыбочкой. А эта орет.

— Что, я должна это дело сейчас прочитать? Его месяц изучать надо. Вот дело, — хватает со стола тонюсенькую папочку и трясет им в воздухе, — и вот дело, — показывает на мой фолиант.

Переводчица едва успевает.

— Ну а кто виноват-то? — теперь заорала я. — Давно бы выдали мне документы и сдали дело в архив.

У дамы глаза полезли на лоб. Видно, она не ожидала такого отпора. У нее темперамент, у меня тоже темперамент. Я овцу из себя представлять не хочу. И не буду!

— Вы что от меня хотите? Как это не сотрудничаю с вами? — выкладываю документы на стол. Доказательную базу готовлю заранее. У них любимая фишка: если не знают, что предъявить, то говорят: а ты с нами не сотрудничаешь. И поэтому я всегда хожу в проклятую контору с ворохом документов на все случаи жизни.

— Высылать меня хотите? Высылайте. Поедем в третий раз, я не против. Давай бумажки — подпишу. Любые.

Дама выбежала из кабинета. Возвращается с дядькой. Наверное, начальство. Показывает на мое дело, показывает на предъявленные документы. Они о чем-то пошептались.

— Пиши новое прошение, — объявила.

— С ними надо разговаривать как с маленькими детьми, — говорит мне переводчица, когда мы вышли из здания.

Хорошо тебе рассуждать. Шведы... кто они? Что это за народ? Разумеется, среди них есть хорошие, отзывчивые люди, но их до обидного мало. В основном народ холодный, душу где-то потеряли. Абсолютно безэмоциональные, вместо лица покер фейс. Все и вся у них «лагом» (средне), всех подровняли по линейке, и попробуй прыгнуть выше этой линейки. «Не считай себя умнее других, будь как все» — этот девиз прививается с малых лет. А где же индивидуальность? Я как-то слушала лекцию Татьяны Черниговской, и она говорила, что когда она приезжала в Швецию, то задавала вопрос: «Зачем вы обучаете умных детей с дураками? Так ведь нельзя». Потому что «лагом».

В нашей каморке мы прожили три года, пока наконец Бог нам не улыбнулся. Через много лет стояния в очереди один друг сынишки получил в Упсале квартиру. С жилищным фондом здесь тоже все не так просто. Чтобы получить муниципальную квартиру, человек стоит в очереди восемь—десять лет. За очередь он должен платить каждый год. Не заплатил — из очереди выкидывают. Умные люди записывают на получение своих детей. Пока дите растет, и очередь продвигается, а там, глядишь, к совершеннолетию и собственное жилье будет. Я не беру север, там пустующего жилья много. А также речь не идет о квартирах, которые можно купить, туда можно заехать на раз-два. Но... Первый взнос неподъемный и огромная квартплата. Надо с банком рассчитывать.

Оформили с другом договор аренды. И когда я в первый раз зашла в квартиру, обомлела, мне она показалась огромной. Нравилось все: и планировка, и этаж, и район, веселый, иностранный — жизнь кипит. Магазины близко. Ура! В Красном Кресте купили мебель по дешевке. Навели уют. И жизнь показалась не такой мрачной и безрадостной.

Сынишка мой окончил университет — Королевскую высшую техническую школу, аналог Бауманки в Москве. Получил гражданство, владеет четырьмя языками. Жизнь

вроде бы налаживалась. Но... Часто контактируя со шведским миграционным ведомством, я думала: ну как такое процветающее, богатое государство могло вырастить и взлелеять на своем теле такого монстра, который с легкостью превращает черное в белое и белое в черное? Где воспитывают и натаскивают сотрудников? Особенно трудно разговаривать с недавно принятыми в штат. Они роют землю копытами, чтобы выделиться, выбиться в передовики.

Решение о высылке имеет силу в течение четырех лет. В моем случае все идет по кругу: четыре года закончились, снова принимается решение о высылке, и так двадцать лет. И снова... и снова... и снова. Нормальный человек давно бы крикнул, но я не могла, не имела права. Что меня спасало? Я старалась не думать о сложившейся ситуации, и помогало заветное слово «плевать».

Адвокаты. Были ли у меня адвокаты? Были. В основном назначенные. Платить крупные деньги я им не могла, поэтому работали тяп-ляп. Кроме одного. Последнего. Очень сильный юрист. Ошведившийся англичанин, в возрасте, он дрался за меня как лев. И ни копейки, вернее, ни кроны с меня не брал. Для шведского общества, да и для всякого другого, это был феномен. Неслыханное дело! «Это дело принципа, — говорил он, — что мне твои копейки?» Он вел мое дело много лет. Судился с ними, ругался, бывало нескромно, по телефону. И что? По какой-то неведомой причине мнение адвоката не принималось во внимание. А решения данная контора принимала такие, что порой не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать. Ну такая чушь, такое вранье, что складывалось мнение, что это писал психически невменяемый человек. И как с ними бороться? Иногда меня вызывали в контору на беседу. Шла я туда с тяжелым сердцем, ожидая какую-нибудь очередную подлянку, а выходила с кучей эпитетов в сознании. Неприличных.

Через двадцать лет моего пребывания в Швеции случилось нечто. Человек, в чьей квартире я благополучно проживала, выписался, и мне пришло письмо, чтобы я покинула квартиру к определенному числу. Если бы у меня был вид на жительство, то я бы переписала квартиру на себя и спокойно жила бы дальше. Но это если бы да кабы.

Одновременно с этими событиями я получила удар с другой стороны. Миграционное ведомство, столь ненавистная мне контора, в один момент лишило меня смехотворного пособия. Но это было не самое страшное. Они аннулировали удостоверение личности. А это значило, что я не могла посетить врача, выкупить медикаменты, и идти мне до первого полицейского, которому вздумается спросить идентификационную карту. Меня просто выбросили на улицу, и из человека я в момент превратилась в пыль. В грязь. В ничтожество.

Я обращалась в социал, женский центр, к журналистам, и все без толку. Посочувствуют, похлопают себя по ляжкам и вежливо проводят до двери. Мой сын давно уехал из Швеции и проживал в другой европейской стране.

Я отправилась в полицию с душевной просьбой: посадите меня в тюрьму. Я должна где-то жить. Меня не посадили, а устроили в монастырь. Моего кота Филечку удалось устроить к одной хорошей русской женщине. За что ей огромное спасибо. В монастыре я жила долго и там же умерла в 2036 году.